

УДК 9с

DOI: 10.15393/j14.art.2018.120

Чернякова Ирина Александровна*

Воронина Полина Сергеевна**

*Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений,
руководитель исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии,
доцент российской истории в университете Восточной Финляндии (кампус Йоэнсуу),
кандидат исторических наук

**Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук
Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии;
волонтер-исследователь,
магистр по направлению подготовки 46.04.10 (История),
аспирант докторской (PhD) программы «Past, Space and Environment in Society»
в Университете Восточной Финляндии (Йоэнсуу)

Воспоминания Георгия Никифоровича Акатова (часть III)

Окончание, начало см.: CARELiCA. 2017, 1(17). С. 83—110.

URL: [http://carelica.petrus.ru/CARELiCA_/1_2017_\(17\)/chernyakova.html](http://carelica.petrus.ru/CARELiCA_/1_2017_(17)/chernyakova.html)

Ч. II. CARELiCA. 2018, 1(19). С. 122—146.

URL: [http://carelica.petrus.ru/CARELiCA_/1_2018_\(19\)/chernyakova.html](http://carelica.petrus.ru/CARELiCA_/1_2018_(19)/chernyakova.html)

Аннотация: Воспоминания Георгия Никифоровича Акатова публикуются с сохранением всех особенностей языка автора и передачи его форм на письме. Мы полагаем, что данный текст является уникальным благодаря индивидуальности, в высшей степени присущей его автору, и что более всего своей аутентичностью текст заинтересует не только исследователей-лингвистов, но и, возможно, социальных психологов. К тому же сам автор воспоминаний не однажды подчеркивает, что специально старался сохранить и передать специфику коллективной ментальности деревенского сообщества, в котором родился и вырос, неукоснительно фиксируя все особенности речевого строя окружающих его людей: родных и соседей, а также обитателей окрестных деревень.

Подчеркнуто бережного отношения заслуживает передача текста автора воспоминаний ещё и потому, что он является прямым потомком того самого «слепого старика-крестьянина», от которого А. Ф. Гильфердинг записывал былины летом 1871 г. Свидетельствует об этом восторженная цитата из публикации знаменитого собирателя: «... я упросил его сказать свои старины, и старик Иев Еремеев запел превосходную былинку про превращения Добрыни под магическим действием нашей русской Цирцеи, Маринки». Опираясь на комментарий к приведённой цитате на сайте Генеалогического Общества Карелии, в котором Татьяна Панюкова, правнучатая двоюродная племянница брата Г. Н. Акатова, сообщает, что приходится

пра-пра-правнучкой упомянутого сказителя, полагаем, что её пра-пра-прадед и герой множества колоритных эпизодов в изложении автора мемуаров — его дед Иев Еремеевич Акатов — один и тот же человек. (см.: https://vk.com/photo-44741316_290992618).

* * *

/121/... Рабочий день для приказчиков был 12 часов: с девяти¹ утра до девяти вечера, а мальчишкам 14–16 ч[асов]². Утром будили в семь часов, и все выполняли свои обязанности³: кто чистил сапоги, кто грел огромный самовар, кто собирал на стол чайную посуду на 20 человек. А один шол в булочную на Вознесенской, где, согласно записки, накладывали в корзинку всё то, что что заказал еще с вечера. И [в]⁴ 20 минут седьмого уже у каждого стакана была положена порция, чего он сам заказал вечером. Полагалось приказчику пять коп[еек], мальчику службы до трех лет — три копейки. Деньги в булочную платились сразу за месяц по счету булочной. Например, на пять копеек заказывали слоеную подковку [за] три коп[ейки], потом слоеную за полторы к[опейки] и грошовую. Итого 5 копеек. Кто — фунт ситного с изюмом, кто тулонскую [за] три копейки, кто калач [за] три к[опейки]. Словом, мальчик, ходивший в булочную, с вечера опрашивал и записывал кому что купить.

В смысле обеда и ужина кормили очень хорошо. А по воскресеньям или праздникам отмени-то⁵: и пироги, и пирожки с сагой, с мясом, с вареньем. И вдоволь. А вот у многих, я знал, например, где жил брат Александр, у Румянцева, там ребята жили в проголодь и ходили рванью.

/122/ Летом хозяина семья уезжали на дачу. [190]9-й [и] [19]10-й [г]г.⁶ жил на даче. В Стрельном была хорошая дача: дом и пять комнат, хороший парк и сад. [19]11-й [и] [19]12-й [г]г. — на даче в Дюнах, это за Сестрорецком, на берегу Финского залива. В 1909 и [19]10 [г]г. летом хозяйка меня брала месяца на два на дачу, там я забавлялся с их детьм[и] Верой и Васильем. С Васильем мы днями просиживали у речки, удили, а вечером катались с горки на трехколесных велосипедах. Верку я не любил. Она была беловолосая, капризная и очень такая хрупкая. Нам, деревенским, надо было по здаровые, чтоб если и дал иногда остолбуху, что[б] не ревела, а годила бы дать сдачи.

После того как мы растались с братом Александром у Горохова в магазине, месяц я не знал где он живет: почти весь великий пост. В конце шестой недели адрес его мне сказала жена Петра Ивановича Харламова, Екатерина Алексеевна. Они жили в доме Харламова П. Ф. на 8-й роте. Петр Иванович работал тут же. При доме Харламова имелся большой двор, склад железа.

Александр жил тоже у железника, где собирали всякий хлам и отправляли по заводам лом. Хозяин его был нищета да ктому же прощальга, годов 50, и пьяница. При доме, где они жили — Обводный канал, 152 — был двор, где и помещался склад для утиля. И над /123/ воротами красовалась вывеска: «Склад железа и лома. Принимаем вс[я]кие металлические ломаные вещи». На вывеске нарисован[ы] погнувшийся самовар, безносый чайник и самоварная труба, вся в дырках.

Квартира была в этом же доме в первом этаже, темная, грязная. Саша спал за кухней. В коридоре стояло три топчана на козликах. Вместо постели и подушки — какieto лохмотья. И на

¹ Здесь и далее числительные до десяти передаются словами.

² Здесь и далее пропущенные на конце слов буквы, необходимые для правильного понимания смысла, восполнены в квадратных скобках.

³ Здесь и далее ошибки не исправляются.

⁴ Здесь и далее пропущенные предлоги, если это необходимо для правильного понимания текста, восполнены в квадратных скобках.

⁵ Так в рукописи.

⁶ Здесь и далее слова *год, года* (род. п.) передаются в сокращённом виде: г.; соответственно *годы, годов* — гг.; при отсутствии восполнено в квадратных скобках.

длинном березовом очепе висела зыбка — люлька, где клали хозяйского ребенка. И ребята по очереди качали зыбку. Ребят было три челов[ека]. Двое, ранее жившие уже по году у хозяина, были ободраны и еле душа в теле. Приказчиков небыло. На складе их дело было — разбирать хлам, отделять медь от железа, носить в ящик; если длинное что попадалось — пе[ре]рубить¹ или перепилить. В ящике метровом пресовали хлам ручным пресом, увязывали проволокой и так — кипами — отвозили на лошадях по заводам. Небыло даже весов, всё определялось на глазок. Ребят по очереди хозяин посылал с извозчиками по заводам, где взвешивалас подвода с хламом, и список о количестве металла сданого. Мальчик привозил хозяину записк[у] от приемщика на заводе. Но ребята с извозчиками договаривались, и воза два—три шло на лево, за что парнишка получал рубль.

/124/ И так ребята, имея в месяц от сделок с ломовиками рубля по три денег, тайком приобретенных от хозяина, стали себе уже позволять нужное и ненужное: часто бегать в кино, бегать по трактирам. И научились потихоньку распить сороковку на троих. В результате такой жизни ребята распустались, и хозяин их всех разом прогнал. Выдал паспорта — и идите, куда хотите. Саша недели три по болтался с ребятами, пока были копейки, то ночуя в ночлежке, то гденибудь под мостом. А лучшим ночлегом для них было — это на колокольне собора Иоана Предтечи, что стоит на Лиговке, угол Обводного канала. Все же раз их забрали в полицию. И Саша назвал адрес, кто, мол, его знает: Харламова Петра Иванов[ича]. Вот туда то его и привели. А то хотели отправить по этапу в деревню согласно паспорта, в Кондопогу.

Но Харламов П. И. как бы взял его на поруку, что его он устроит на работу. И он его устроил в сапожную мастерскую, Бронницкая улица, дом 22, в подвальной квартире, [ко] вдове сапожника Веры Лукашкиной. У Лукашкиной было две дочери, лет 10 и 12. Сапожников было три мастера, три подмастерья и четыре ученика, а Саша уже пришел пятым учеником. В мастерской шили новую обувь в магазины и производили ремонт старой.

/125/ Хозяйка Лукашкина тоже была [из] Тверской губерн[ии], и[з] Кимор. И все сапожники были её земляки. (Так называли они: «та мы все земляти».)

Как извесно, сапожники все пьяницы. В субботу получают заработанные деньги часов в 12 дня, ну и в понедельник уже не работники — до того до похмеляются. Всё — сидя на липке: вытасчит с липки бутылку, приложится с горла и опять гвоздь, другой забьет в подошву. И пройдет часа два — уже все мастера и подмастерья вдоль полу: у кого в головах липка, у кого колодки, а кто лицом в свою собственную блевотину уткнется. Во вторник с утра опять садятся на липку и скулят: «Хозяйка! Дай на шкалик, а то работать не могу». Ну, она купит всем по шкалику, и на этом сапожники кончают до субботы. Больно уж они любят петь песни, когда работают, специально свои, сапожничкие. Вот некоторые их них:

*«Однажды Ванька,
тигдигдон, ах тигдигдон, ах тигдигдон.
Нарежется, бывало, он,
тигдон, тихдон, тихдон, тигдон.*

*Потом пошел в торговый дом,
ах, тигдигдон, ах тигдигдон.
Купил он яблоч и лимон,
тигдон, тигдон, тигдон, тигдон».*

Запеваает один, а подпевают все: (тигдон, тигдон).

¹ Здесь и далее пропущенные в середине слов буквы, необходимые для правильного понимания смысла, восполнены в квадратных скобках.

/126/ «Тигдон» поют, пока еще в голове шумит, а уж как все кончится, тогда и песни другие начинаются. Например, запекает:

*«Спит сеул во степи гладкой,
где густо стелется тумана-а-ан,
приходи ко мне украдкой
на тот условленный курган.*

*Там никто нас не заметит
под покровом темноты,
только ветер лих колышет
на благо вонные цветы (2 раза).*

*Ты протянешь резвы ножи,
а я обуя в знак любви
цариградские сапожки
на ножи резвые твои (2 раза).*

*Гибкий стан твой опояшу
я иркутским кушаком,
русу косу изукрашу
я чистым звонким серебром.*

*Ты дуй, кузнец, гарно жарчее,
железо красно накали,
а потом сильней сильне[e]
тяжолы[m] молотом стучи (2 раза).*

*Скуй мне цепи вековые,
свою красавицу жену,
свою красавицу младую
я свое ручно закую-у-у (2 раза)».*

Или воспоминания о турецкой войне:

*«Помню както мы стояли
окол Шипки в облаках,
турки нас атаковали
и остались в дураках.*

*Мусульмане и оскеры
шибко били наших лбом,
но и мы били без меры
то прикладом, то штыком.*

*Как стрелочки прискакали
на казацких лошадах,
и как турки закричали:
«Мы побиты, о, Аллах!»»*

А в минуту грусную пели уже другое:

*«Те же росы, откосы, туманы,
над бурьянами рьяный восход,
холодящие шелест поляны,
голодающий русский народ.*

*И враздолье неволи неволья,
ох, суровый свинцовый наш край
нам бросает с холодного поля,
посылает нам крик: «умирай».*

*Как и все умирают, не дышат,
смертоносных не слыша угроз,
повседневные возгласы слышат:
не рыданий, ни жалостных слез.*

*Теже возгласы ветер доносит,
теже стаи несытных смертей
над откосами косами косят,
на заводах так косят людей.*

*Роковая страна, ледяная,
проклятая железной судьбой.
Мать Россия! О, родина злая!
Кто же так подшутил над тобой».*

Или песня у могилы матери:

*«Спишь ты, спишь, моя родная,
спишь в земле сырой.
Я пришел к твоей могиле
с горем и тоской.*

*/128/ Я пришел к тебе, родная,
чтоб тебе сказать,
что теперь уже другая
у меня есть мать. (2 раза)*

*Что твой муж, тобой любимый,
мой отец родной,
твоему бедняги сыну
стал совсем чужой. (2 раза)*

*Никогдаже мне, родная,
слов тех не забыть:
«Без меня тебе, сыночек,
трудно будет жить. (2 раза)*

*Много-много встретишь горя,
мой родимый, ты.
Мно[го] вынесешь несчастий,
бед и нищеты».*

*И слова твои сбылись,
все сбылись они.
Встань ты, встань, моя родная,
на меня взгляни. 2 раза*

*С неба дождик льёт осенний,
холодом знобит.
У твоей сырой могилы
сын бедняк стоит. 2 раз[а]*

*В старом рваном зепунишке,
в ветхих сапогах,
всёжтаки я твёрд как прежде,
слёз нет на глазах. 2 раз[a]»*

Словом, у сапожников много было песен, и даже были такие, которые надо было петь тихонько, иначе попадёшь в полицию — с революционны[м] духом, о расстрелах 1905 г. и о (семишниках), так звали городских. (Семишник) городской, [если] привез пьяного в участок, получал семь копеек. Ему писалось в книгу, и с зарплатой получал.

Словом, 1909 г. прожил в Питере хорошо, а с 25 апреля 1910 г. меня хозяин взял на дачу в Стрельно. Он тогда купил себе авто-машину французкой марки «Шарон». Машина была открытая, но можно было верх подымать вслучае дождя, шестиместная. За рулем сидел сам, моя обязанность была помыть машину после поездки.

/129/ У Харламова П. Ф. в Стрельном было несколько своих дач, которые сдавал в аренду, и своя маленькая бумажная фабрика, очень примитивная, тихоходная. Полотно два метра шириной. Бумага делалась из старого тряпья и мокулатуры. Меня фабрика эта очень интересовала, и иногда днями я бродил по фабрике. Для сушки бумаги стоял локомобиль, дающий пар на осушку бумаги. Вращалась машина на общем приводе от водяного колеса, которое было установлено на маленькой речушке. Были и шлюзы. Летом месяца три и зимой фабрика стояла, небыло воды.

Весной и осенью меня хозяин брал каждую субботу с собой на охоту. У него была снята, так называли охотничий участок в Дудергофе, где был свой гегерь¹, что охранял участок. И там же жили его охотничьи собаки, которых было четыре штуки: две шт[уки] гончих на зайцев и два сетера по дичи. Ружей у него было всевозможных шесть штук. Стрелял он замечательно, исключительно бил на лету и на бегу. Осенью по 10 зайцев убивал в утро, а также тетеревей и фазанов.

Егерь на участке занимался подкормкой птиц и зайцев. Участок был километров пять в квадрате. Всё мелкий лесок и кустарник. На охоту он никого не брал, часа в два дня в субботу садился в машину и прямо из Питера в Дудергоф, это восемь километров от Красного села.

/130/ Однажды както летом в Стрельном был я на даче. И вот хазяин подъехал к даче, вылез и ушел в дом. Машина осталас около крыльца. Я подошел к машине. Видел я раньше, что он вертит ручку, если надо запустить мотор. Я обошел кругом машину, потом подошел с переду к радиатору, нажал ручку и повернул. И, к моему страху, мотор за работал. Я вижу — беда. Я в бег. Собаки за мной. Спрятался за кустами, лежу. Вижу, выбегает хозяин, кругом смотрит — ни где ни кого, а мотор кто то запустил. После он долго добирался у меня — не я ли запустил, но я упорно отказывался, так и от перся.

У Харламова П. Ф. на восьмой роте был свой дом. Дом был не большой, а рядом на тойже плане был склад железа, и там же было одноэтажное сдание, где была конторка, мех-мастерская и стоял движок, который вращал динамо-машину. Машина работала на освещение дома и склада. И както машина не стала давать свет. И вот Харламов поговорил с хозяином. Хозяин посоветовал взять — у него был один мужик, служил как артельщик; он был бывший матрос машинист, рязанец — Жаворонков Степан. Хозяин послал Жаворонкова проверит все — почему машина не даёт ток.

/131/ Жаворонков взял и меня с собой. И вот он, придя, все проверил, запустил движок, но динамо машина не даёт свету. И вот он разобрал динамо машину. А я, конечно, ему помогал и чистил всё, что он заставляял. Нашол он в машине обрыв провода, и всё исправил. И тогда

¹ Так в рукописи.

у меня явилось такое большое желание работать с машинами. «А што это торговля, — говорил я, — это только людей обманывать!»

Я уже говорил, что рабочий день у нас был 16–14 часов. Вставали в шесть часов, в восьмом открывали магазин, сразу — уборка помещения. Придут приказчики с покупателем, столько разбросают товару — ужас. Вот потом и вешаешь всё по местам да чистишь. Хуже покупателя небыло, как если придет поляк с женой. Скажет, купить себе костюм. Вот уж он роется, роется, сотню костюмов перемеряет. Вот, оденет, скажем, первый костюм, цвет нравится. Жена сидит на диване. Слышишь — говорит: «С пшеду барзе добже ляже, с тылу нет». А такто очень нравится и цвет, и фасон. Тогда приказчик глянет на мальчишку и, бросив костюм на диван, тихонько скажет: (Оттырь). Значит, унеси.

И, померяв еще с десятков костюмов, опять принесет тотже первый. И тогда поляк и попал: «Вот это харош».

Обыкновенно, если сутулый человек, а прямится стройно, всегда набегаешь сзади складка к воротнику. Тут-то и подсунет приказчик /132/ к воротнику под пиджак, когда одевает, кусочек ваты или тряпочку. Полька видит: «С пшеду хорошо и с тылу хорошо». Так, смотришь, его приказчик и обработал.

А так нельзя было, чтоб пришел покупатель да ему не продать. Тут тогда продавец недолго поработает у хозяина. Он его уволит. Магазин и порядки нашего хозяина все купцы Питера знали. Если приказчику приходилось гдето поступить к другому хозяину, то первым вопросом было: «Где ты сичас работал?» Как скажет, что у Дмитрия Андреева в Александровском рынке — то сразу брали на работу.

Продавцы нашего магазина люди все были солидные, одевались хорошо. Без котелка и крахмальной рубашки с галстуком в магазин не являйся, да чтоб и духами пахло от продавца. Получали продавцы от 40 рублей до 120 в месяц — глядя по рангу, возрасту и, конечно, кто сумел больше продать, не отпустить покупателя.

Вспомню старое. Отец хозяина уже жил в Гатчином, но в Питере был каждый день. А его приятель, с которым вместе приехали на барже — Мудиков Николай, что ему когда-то добавил на параходе четыре копейки, торговал (шапки, фуражки), — пропился и уже болтался кое где по ночлежкам. А в рынок приходил каждый день и знал, когда Д. Андреев придет в магазин. И так часок постоит /133/ в пассаже у магазина, обвалившись об липину¹ двери. И вот идет Мудиков (правда, всегда пьян) и издали уже кричит, увидев старика хозяина!

— «Ашпихиндрей, четыре копейки на пароходе не отдал...»

(Ашпихиндрей — значит — Дмитр[ий] Андрее[вич]²). Старик достает из кармана серебряный рубль и подает Мудикову. И так повторялось ежедневно.

Был там еще вековечный пьяница, ранее был хозяином, мужик лет 40, сдоровый такой, рязанец, по прозвищу «чувырла». Проходит по пассажи и всегда какоенибудь барахло на плечах: то брюки, то пиджак гдето купит, и перепродает. Приказчики его кто лягнет шутя, кто подернет, а кто сажай вымажет. Поэтому унего было какбы два сорта приказчиков. А кто его не обижал — более солидные пожилые люди. Например, уна[с] был[и] Денисов и Рубцов, солидные старики. Проходя мимо, он говорил: «Здорово, купчина!!!». А к остальным — общее для всех слово: (Здорово, рестораны худые). Ему приказчики говорят: «Чувырла, спой, как ты был сена косит (Белаус)³».

¹ Так в рукописи

² Так в рукописи. Предположительно, возглас мог быть: «Аспид Андрей».

³ Так в рукописи

Он начинает:

*«Я касила Билаус,
косу бросила пад кус,
грабельки нда на ёлачку,
сама легла к милёначку».*

/134/ В рынке ежедневно болтался с барахлом бывши[й] поп, служивший в Японскую войну на корабле, был в плену в Японии, имел два Георгиевских креста и всё их носил. Поп был растрига, выгнан за пьянку, но носил всё еще длинные волосы, матроскую безкозырку, тельняшку и сапоги с напущеными на них брюками. Всегда был на веселе или с дикого похмелья. Торговал всегда — какаяднибудь старинная вещь в руках: то ваза, то кубок, то флейта или скрипка. Идет часов в девять утра, волосища распущены и поёт:

*«Из павших твердынь Порт-Артура,
с кровавых маньчжурских полей
калека матрос истомлённый
к семье возвращался своей».*

Прозвище ему было дано (поп Гапон). Ему кричат:

— «Гапон, за сколько серебрянников продал рабочих на Дворцовой площади 9-го января?»

Он безцеремонно отвечает:

— «Получил десять ударов нагайки от казаков да три месяца тюрьмы от градо-начальника Трепова».

В рынке над олончанами ужасно смеялись, особо над молодыми, которые только что начинали жить в Питере. Каких только небыло дано прозвищ и всяких небылиц. Правда, смеялись над всеми губерниями, всем было много надсмешек и прозвищ.

/135/ Олончан звали «Пришивная голова». Или говорили:

— «Нука, расскажи, как у вас выбирали старосту, как воевали с царем Петром I-м, как топили черта в Гангу-озеро». Что это все означало?

(Пришивная голова) Якобы давно было очень дождливое лето, всё Илья пророк виноват. Ездит по небу на колеснице. Пошел кореляк с сыном обмануть и убить Илью пророка. Сын взял пирог сатворогом, влез на заколье сена и зовет: «Или, Или, сойди с неба, дам тебе пирога с творогом. Пирога и лейба ёлла, а кирвеста эй ёлла». (Значит — пирога и хлеба есть, а топора нету). А отец стоит под закольем с топором. Как, мол, только Илья придет к сыну, сын его столкнет с заколья, а старик ему голову и отрубит. И вот сын звал, звал Илью, ветром его качнуло, да он с заколья упал на землю. Было темновато, мужик думал, что это упал Илья пророк, и тят ему по шеи топором, и отрубил голову. Ну, после разглядел. Видит, что голову-то отрубил сыну. И закричал:

— «Суседушки, авой бяды-то я натвориу, Ванки голову от-тукнуу».

Суседи говорят:

— «Ницёго, пришьем голову в зад на плеча».

Взяли да и пришили голову. Ляй, аще дратва знать на шее.

/136/ С Петром I-м воевали так! Олончане никак не признавали царя Петра. Не шли на работу и не платили податей. Собирались в лесах и шли войной против Питра¹. Войска Петра для

¹ Так в рукописи.

страха стреляли из пушек картошкой да холостыми зарядами. Тогда олончане ликовали: «Ая, ая ситом-песен, не бога, не царя не признаем, признаем одного старостиного Гришку. У Петра пушки осиновые, ядра березовы, пыжом палят, нас не валят». Тогда Пётр приказал зарядить пушки боевым зарядом, и ударили с боевого. Тогда олончане видят: не то дело! Как старостиного Гришку горшком по жопе ожегло! Клади руки на бумагу, пиши: «признаем царя Петра».

А старосту выбирали якобы так. Собирают сход. Приносят всевозможной еды и вина. И вот, кто больше съест, да толще вы...ет¹, тот и староста.

А как черта топили в Ганго-озере. Проезжали солдаты Петра. У них сломалось колесо, обод выпал, и осталось одна ступица со спицами. Вот, мужики нашли это чудо (телеги век не видали) и рассуждают, глядя на спицы со ступицей: «Ляйтето. Туды роги, сюды роги, кругом роги, нету ноги. Авайте то ёго топить в Гангу-озеро».

/137/ Или заонеськой тясътяник (почому). Ехали зимой мужики через Онего из Киж по льду. И вот на задней лошади у мужика была квашонка с тестом в окорцах. Она просела и застопорила о дорогу, как тормоз. Мужик видит, что лошадь встала, не может тянуть воза. Он бегал, бегал кругом воза, видит в окорцах штото стоит между дорогой и дровнями. И кричит мужикам!

— «Сусёдушки-сусёдушки, той-те-то, тойте. Умня пень попау в окаръця». Взял топор и давай рубить пень. Раз, другой тюкнул топором, и потекло тесто с квашонки. Вот поэтому заонежан и стали звать тясътяньники.

1909 г. прошол. Пошел 1910 г. Как-то в марте я шол по Садовой улице около церкви Спаса на Сенной. Только что был выпавши снежок. Дворники уже скребли панели скребками от снега. И только я прошол дворника шагов пять, вижу — в снегу притоптано чтото, блестит. Я наклонился, пальцем то выковыриваю из притоптаного снега, смотрю — пяти рубл[евый] золотой. Тут у меня и свет в глазах потерялся от радости. Зажав пятерку в руках, иду дальше. Иду дальше и думаю, чтоже мне делать с пятеркой. Сказать ли кому? И как разменять? Никому не сказал.

А в воскресенье в кондитерской купил десяток пирожных [на] 30 коп[еек]. Мне их увязали в каробочку и дали сдачи четыре руб[ля] 70 коп[еек]. /138/ Да у меня было накоплено 45 коп[еек]. И вот эти деньги, пять р[ублей] 15 к[опеек], я снес на почту на сберкнижку. Тогда это было возможно, можно было вносить по пять и 10 коп[еек], и брать тоже. Пирожных мог съест только пять штук, а пять штук снес Александру. Он съел их в один миг и говорит: «Аще-ли есь?» Он их еще ни едал.

Както летом меня постигла беда. Меня из магазина послали на квартиру снести портному брюки от костюма — укоротить на три сантиметра. Покупатель ждал в магазине. Я пошел по улице, был дождь, скользко, и, идя через Измайловский мост, я поскользнулся и упал, а брюки, конечно, в грязь. Что делать? Беда! Прибежал к портному, прошу Христом богом отчистить брюки как можно скорей, ведь ждут в магазине. Портной говорит — ведь надо сперва выстирать, а потом высушить и выгладить, — мол, только завтра утром. Я со слезами — в магазин. Встречает хозяин: «Где брюки?» Я объясняю. Он на меня зверем: «Ах, подлец, ты, верно, на колбасе ехал?!». Как даст мне по морде да кулаком. У меня так два зуба в рот и выпали. Полный рот крови, и выплюнуть не смею. Ну, тут он покупателя уговорил, что, мол, завтра брюки принесут к нему на квартиру. И вот, на другой день, после закрытия магазина я нес брюки на Выборскую сторону, Симбирская 22. /139/ Как правило, денег на трамвай не давали, а все неси пешком. И когда я пришел к покупателю на Симбирскую улицу, он оказался очень хорошим человеком. Распросил всели он так бьет ребят, (как тебя вчера). Я пожаловатся не

¹ Так в рукописи, с отточием.

смел. И он мне дал на тронвай 20 копеек. Но надо сказать, на тронваях-то мы ездили, но никогда не платили. В то время в Питере ходили уже 14 номеров, а № 13 тронвайного маршрута небыло. (Так как № 13 — чертова дюжина). Уже только после революции стал ходить тронвай № 13. Машрут его был — Нарвские ворота, Пальменбаховская улица (на Песках).

Осенью меня постигло новое несчастье. Я заболел кор[ь]ю и был в бессознательном состоянии отвезен в заразную больницу: Боткинская заразная больница. Там пролежал два месяца.

В марте 1914 г. со мной случилась новая беда в вечерний чай в магазине. Я стою со стаканом чаю, пью. Подходит ко мне (Иван Зверев) старший мальчишка. Но он был ростом большой, ему было лет 16-ть. Кудато он меня посылал, я заартачился. Говарю: «Успееш, вот допью чай и пойду». Он меня гнать, да хлоп мне по морде. А я скипел: «Ахты, калужское¹ тесто» (он был Калужской губерни[и]). Я как размохнусь, да стаканом вместе с чаем ему в ухо. Стакан был сдоровый, граненый. Стакан сломался, и ему разрезоало ухо, висок. Ну, словом, его отправили в больницу.

/140/ Ну, естественно, хозяин меня отлупил и прогнал в портные — в мастерскую к мастеру (хозяину) Сиротину, который работал на наш магазин дамскую одежду: польта, костюмы. Ну, что заведеш? Живу в порт[н]яжках. Мастеров было человек восемь, подмастерьев тоже восемь, мальчишек шесть человек и дв[е] девицы взрослые, которые исключительно строчили вату с подкладкой на машинах. За три месяца уже научился подшивать приклад, саржу, сатин, шолк, и обметывать петли шолком.

Работники в мастерской были исключительные пьяницы, обедали все на столе, а спали тут же на верстаках на голых, а в головах [в]место под[у]шки (болван). А мальчишкам место спанья под верстаком: во всяком хламе да обрезка[х] материалов и ваты. Вылезеш после спанья из под верстака будто чёрт какой. Тут, в этой среде, я и засобой нестал следить. Неделями не мылся. Глаза кое как раскопаеш и за работу. Тут ребята меня научили покуривать табак. И так, прячась от людей, я стал курить. И на улице, бывало, идешь и куришь с рукава.

Через три месяца както я пришол на кухню к Горохову: к бабки Паше. В это время накухне оказалась Лидия, хозяйка, с ребятами. Она меня распросила как я живу в портных. Я, конечно, расплакался. Ребятишки просят: «Мама, пусть Егорушко опять придет к нам». Да тутже тетя Паша стала просить. И как на грех /141/ вошол хозяин на кухню.

«Ну, — говорит, — как, воин, живешь? Харошоли спать под верстаком?»

Тут его стали все просить, чтоб он меня взял обратно, что Зверев Ванюха и сам озорник. В то время Зверев снова был в больнице. Они баловались на леснице, он упал и сломал руку. Тогда хозяин говорит: «Лида, а что он не карельской породы, смотри он какой злой, (чуть маленько, и сердце колится, вейчам-бок»). Так говарили кореляки, он слышал. Но всеже он меня, как говорят, помиловал, и взял обратно. Так я перешол обратно из портных в торговцы к хозяину.

Так шол 1911 г. Ходил я к Саше брату, он в сапожниках дотога до учился, что стал с сапожниками маленько выпивать. А пинькертонов дотога до читал, что ему на яву и во сне стали казаться всякие немислимые герои и их проделки.

Както прихожу к ним, они тогда переехали из Бронницкой улицы на Забалканский проспект, угол пятой роты, тоже в подвальной квартире. Но мастерская уже стала больше. Две больших комнаты они занимали, и мастеров больше. А на окошке висела всё таже вывеска: нарисован сапог и ботинок, и написано: «Сапожная мастерская производит изготовление по заказу всевозможной обуви и ремонт старой. О. Лукашкина».

¹ Так в рукописи.

/142/ Интересный разговор был между сапожниками. Один обращается к другому, говарит¹ по-киморски:

- «Ты ничего не слышал, а?»
- «Нет, а што?² такое»
- «В сопожницкой мастёрской покража случилась».
- «Да штоты? А што украли-то?»
- «Ой, много!!»

(Начинает перечислять)

- «Пропал-то шило точально, шило подшивально, шило кольнёё, шило большое, щотин пучек, вару кусок. Клестёр выгрёбли, стакан холодной воды выпили, оснаццать копеёк с окошка сгрёбли, и хозяйкю уё...ли»³.

Слушающие удивляются — вот дел-то, айда дело. Ведь глянь ты, всё прикрали!

Вот както весной Саша начал заниматься вымогательством с меня и давай мне врать:

- «Знаеш, я тебе сошью хорошие шавровые ботинки, дай мне рубль купить по дешовке заготовку шевровую».

Рубль я дал. Через неделю является:

- «Знаеш, веть тебе надо с большим рантом».
- «Да,» — говорю.
- «Дай 30 коп[еек] купить набор для изготовления ранта».

Потом — на стельки, потом — на подошвы. Словом, брал, брал, а ботинок всё нет как нет.

Все деньги проношены в кино. Тогда уж прямо стал просить:

- «Дай 10 коп[еек] на кино».

Я не даю. Он знал, что я страшно боялся щекотки. И вот начнет щекотать:

- «Дай 10 коп[еек]».

Невытерплю больше.

- «На, — говорю, — только перестань щекотать». Все медные, мол, отдам с кошельком.

/143/ Как-то в середине июня о[н] сговорился с мальчишкой, тоже сапожником, пойти в полёт — свету поглядеть. Начитавшись Шерлок Холмса, Пинкертона, отправились в Италию. Саша спер у хозяйки — в шкатулке было денег копеек 60 и старинная монета, петровский рубль, с изображением Петра I-го. Но он думал, что он пойдет как и все рубли. У парня было шесть рублей. И вот они убежали. Пешком сначала дошли до Царского села. Из Царского села с чухонцами переправились на линию Николаевской ж[елезной] д[ороги], намереваясь там сесть на поезд прямо в Москву. На одной из станций Саша подал в билетную кассу рубль петровский и просил билет до Бологое. Там кассир говорит:

- «Ты где это взял такой руп? Ну ка, постой, я сичас выйду».

¹ Так в рукописи.

² В рукописи здесь два вопросительных знака.

³ Так в рукописи, с отточием.

Они видят — беда! Да в бег. Так и убежали, оставив рубль. Паспортов у них не было, а везде требовали паспорт. Шли — где пешком, где зайцем на поезде. Насчет поесть, — где выпросят, а то где и украдут.

И вот чере[з] месяц получаю письмо без марки. Пишет: «Сходи к хозяйки, возьми мой паспорт и вышли по адресу: г[ород] Клин Московской губ[ернии], стекольный завод, деревня Ямга. Я тут работаю в поденной».

Ну, разве паспорт дадут? Через неделю снова письмо, написано коротко: «Брат, высылай паспорт! Довольно волынится, Александр. По адресу который писал — город Клин». /144/ Так на этом переписка наша кончилась. Сашу уже задержали в г[ороде] Серпухове в ночлежке. И как без-паспортного его по этапу направили по месту жительства, то есть в Олонецкую губерн[и]ю, в Кондопогу, в волость. А с волости известили в деревню, что встречайте у Климовых, такого то числа будет он приведен с понятым. Дело было — конец августа. И вот Михаил с Макаровой приехал в Гадгубу, пришел на Климову сельгу. Бурлака привели туда. На голове — рваная ватная шапчѐнка, пинжак какойто, рвань до колен, рубаха и штаны, невидать с из чего они сшиты, столько заплат, и всё равно кое где видно голое тело. Не стрижен, лохматый. Ну, словом, как все безпризорники. Михаил знал, что он явится такой рванью. Унего была привезена рубаха, штаны и визитка. Он привел его на берег, велел переодется, а его монатки связал, привязал камень и потопил в Гадгубе. Так кончился его поход в Италию.

Ему уже было 15 лет. И, пожив дома около месяца, в сентябре он пахал в Бардовской, там оставил лошадь с сохой, и сам опять отправился в полет. Но тут он уже пошел кругом — в Уницы, потом на Капписельгу и по почтовой. Парня дома нету. Пришли в Бардовскую — лошадка ходит с сохой на межи, а его нету. /145/ Тут отец — в погоню за ним. Приехал верхом в Кяппесельгу, там выпросил кабарлетку и догнал Сашу, не доходя Лижмы версты две. И так его снова привез домой. И больше убежать он уже не решился.

Так прожил я 1911 г. Хозяин мне доверял многое. Уже ежедневно посылал меня в банк на Невский. Я носил по две-три тысячи и сдавал на его счет. Правда, были некоторые приказчики, которые мне советовали: припрячь деньги, комунибуть родным сдай, а придеш к хозяину на три глаза луком, плачь, мол, деньги у тебя выхватили и убежали, да еще избили. Ничего он тебе не сделает, ты не совершенно летний, выгонит и всё, а у тебя будут деньги. Поезжай себе домой и обзаводись хозяйством. Если, мол, отец толковый, так на три тысячи можно купцом сделатся.

Долго держалась эта мысль у меня в голове. А особо она зашевелилась как меня хозяин послал в ломбард на Фонтанке, где было у него куплено с торгов ожерелие с бриллиантами за 35¹ тысяч. Вот, понес я эти 36² тысяч в ломбард уплатить, а взять этот пакетик с ожерелием. Веть могли же мне дать пакетик, просто завернуть любую коробочку в бумагу и дать мне. Но все же я не решился. Так и снёс 35 тысяч и принес хозяину ожерелие, а оно стоило купить тысяч 75 в магазине.

/146/ В 1912 г. весной пришел с военной службы брат Иван, и женился. Свадьба была в Кухмистерской столовой, на Забалканском, против 1-й роты, где Надежда Ильи[ни]чна служила афицианткой. Гуляли они, видимо, раньше, до его службы. Она его ждала. Снял он комнату на Вереиской улице, дом № 29, кв[артира] 9. Тут я познакомился с Петром Александрович[ем], с Петром Ивановичем Егоровым, с Александром Филиповым Акатовым. В то время у меня уже в Питере было много знакомых земляков: Волков Николай, Гриша Бурков мехтюлевск[и]й, моей мамыши брат, тоже в моих годах, Михаил Наумов, Серега Малафеев с Диановых гор.

¹ В рукописи исправлено из 36.

² Так в рукописи.

Брат Иван поступил в Апраксин рынок, в железный склад. Бывало, что нейду мимо, зайду. Они на пару дни днями пилили железные и чугунные валы в д[и]аметре миллиметров 150 на аршинные куски. Всё это шло в переплавку.

С хозяином у меня всё наладилось хорошо. Он брал меня на охоту. Даже я сам ходил с ружьем, с его ружьем, двухстволка 16 к[а]либра, даже тетеревей убивал. И вот, в 1913 г. летом, говорит мне: «Напиши письмо домой отцу, пусть приезжает за тобой, я тебя досрочно отпускаю в приказчики». Срок то был в 1914 г. Да и брат Иван часто побаливал, ему хотелось уехать в деревню и жить в деревне. Числа 10-го декабря 1913 г. отец приехал в Питер. Хозяин меня одел с ног до головы, как говорят. /147/ Дал меховое пальто, каракулевую шапку, костюм новый, ботинки с галошами, фетровые боты с валенкам[и] фетровыми и шапку пыжиковую, часы карманные, воротнички, галстуки, бельё. Ну, словом, все, и 50 рублей деньги. Да у меня было 18 рублей. Я отдал отцу 40 рублей. Так он был, как говорят, на десятом небе от радости.

Лошадь отца с повозкой стояла во дворе у Харламова П. Ф. У Харламова П. Ф. было еще двое: сын Федор учился в реальном училище, и дочь Антонида, лет 18, высокая красивая девушка. Уж чтото она очень меня любила. Как, бывало, приду, дотога до целует и полные карманы напихает конфет, шеколаду. Между прочем, судьба ей вышла худая. Она уже была обручена с молодым инженером. Потом заболела ангиной и за четыре дня до свадьбы умерла.

Домой ехать мы собрались 15 декабря. Подвода под вещи брата Ивана — был нанят мужик из деревни Пустыня Телегин. Мы уместились трое: брат Иван, Надя и я в кибитке. Ну, отец на козлах. И канун Рождества 24 декабря, часов в 11 утра мы приехали в деревню домой.

Ну, деревенские обычаи, извесно, сразу в квартиру набежало соседей — мужики, чтоб выпить привальное, а бабы посмотреть молодуху Ивана да посудачить. Тут то Анисимовна бабка и говорит бабам: «Авой-вой, эдаку-то ненадобы Ивану Никифорову вясти с Питера и сдесь бы нашлась не хуже молодуха ёму».

/148/ Узнал о нашем приезде Иван Акатичь с Мелой губы. А он был чужак. Вывел молодого коня, одел обароть, пристегнул возжи, сел на водогоняльные дровенки, и на вожжах приехал в Кокорино. Сам сидит на дровёнках. Ну, а позже его увезли в креслах, так как был сильно пьян.

В Рождество собрались сродники. И пришел Евстигней Гаврилов, мой нынешний тесть. Он был кресник моему отцу. Идем сним по деревни, он говарит: «Зайдем, Егорушко, на игрище к Сысоеву. Посмотриш как гуляет молодеж». Я отказывался, потом всё же пошел. Тут на ступенях меня встретили молодые парни и мужики: Пеша Орел, Саша Ерошкин, Степка мелой-губский и много других. Ну, конечно, поздравляли с приездом. Надо было мужикам дать на вино, и я дал три рубля. Это значит семь бутылок вина. Они сразу и купили в Мелой губе. Прежде бутылка была 759 грамм[ов], 42 коп[ейки].

Так, шла зима 1914 г. За пять лет дома всё изменилось. Сестра Анна замужем на Бардове за Волковым — Афанасий Яковлев. Сестра Паша — в Уских — Посудников Никифор. Михаил женился, Федор в Петрозаводске в учениках у купца Нестерова. Двое маленьких ребят: Семен и Григорий, братья, умерли. Брат Иван активно стал готовится к весенней ловле, вязать мережи, вязать неводок. Я вязать умел и вязал охотно. /149/ А Саша всё занимался по хозяйству и чинил обувь всякую, но это ему было хуже острого ножа — чинить сапоги или валенки.

17 марта — Алексеев день — праздник в Великой губе. А там в лавке торговал Посудников — зять, и сестра Паша была там. Мы поехали по гостям — брат Иван, Надя, я и Михаил. Всю родню объехали. Были в Уских у Мехтюля, у Костиных, в Горах у дяди. Словом, проехали 10 дней. Приехали — у Михаила родилась доч Шура.

Весной Михаил ушел на сплав. И вот, на Пасху явился. Пасхальную неделю всю, бывало, звонили в колокола и собирались у часовни. Тыл¹ была всегда построена качель. Ну, храбрые мужики переворачивались на качеле вверх ногами. Вот, наш Михаил встал на качель, было немного (клыкнута), и давай переворачиваться, а у него из карманов посыпалась мелочь. Вокруг стоящие ребята бросились подбирать. А одна девушка стоит, не подбирает — цветочками сарафан красный одет с передником, белый плат на голове с горошками. Я спросил: «Чья это девушка?» Сказали: «Федотовская Шура». Я и скажи: «Хорошая девушка будет». (Не знал, что это моя суженая) через 10 лет.

Так, пришла весна. Весной очень много ловили рыб, пудов по пять-шесть в день, щук доставали в Иленьгубе да Мыкий-губе за Бардовым. Несколько раз ездили с рыбой в Петрозаводск.

/150/ Так, жизнь пошла своим чередом, и не плохо. Но 20 июля 1914 г. началась война с Германией. Сразу мобилизация — запас 1-й очереди весь пошел, в том числе брат Иван, Афанасий Волков и много других.

В конце августа я поехал в Питер и Надя со мной. В Великую губу на пароход, и пароходом до Питера. Я вернулся к хозяину, стал опять работать. Жалованье 25 руб[лей], всё готовое. Брат Иван служил в 256-м Березинском пехотном полку командиром взвода. Полк формировался. Стояли — Пантелеймоновская, угол Фонтанки. На Марсово поле ходили на занятия.

Сначала хозяин распорядился, чтоб я утром открывал магазин, а вечером брал кассу и закрывал магазин, так как он тоже был много занят: пьянствовал с полковниками да генералами. Чтоб нейти в армию, он снял в аренду на Питерской староне, на Большом проспекте, трехэтажный дом, сделал лазарет на 150 кроватей. И сам уже носил военную форму в чине поручика, был начальником этого лазарета. Да ездил пьянствовал с генералом Сопонино. Бывало, часов в девять позвонит: «Отпусти приказчиков домой, вазми у А. Горохова кассу, все деньги, и закрывай магазин». (А. В. Горохов, хозяина племянник, был кассиром и конторщиком, вел книги приход расход. Получал 40 рубл[ей] в месяц.)² Женат был у Емельянова, колгостровского купца, шорника в Алексан[дровском] рынке².

/151/ В конце сентября полк, где служил брат Иван, был отправлен на Австрийский фронт. Зиму я прожил на [19]15-й г. благополучно, а весной, то есть в конце мая, хозяин дал отпуск съездить в деревню. За зиму я еще себе кое что приобрел: два хороших костюма, летнее и драповое пальто, словом, оделся хорошо.

Поехали домой мы вместе с Волковым Николаем на пароходе. Табак я курил, а вина небрал еще в рот. Дорогой на Ладожском озере ночью была страшная качка, ветра было много, пароход «Иван Сусанин», колесный, бросало как щепку. Мне было плохо. На палубе за мной всё ухаживала одна женщина, годов 30, ехала с Питера в Петрозаводск, вдова, муж уже был убит на войне. И даже в Петрозаводске пригласила к себе на квартиру у Левашевского бульвара, Онежская набережная. Фамилию помню: Логузова Валентина Михайловна.

Дальше из Петрозаводска пападать домой мы не знали как. Нам насоветовал дядя Павел Иевлевич дойти до Шуи в Соймино пешком. Там уже строилась железная дорога. Там, у Соймина, был братан Андрей Павлович, кладовщиком от постройки дороги. Соймин нас свез с колокольчиком до Мянсельги. С Менсельги свезли до ростани на Михееву сельгу. А там до Викши добрались пешком. Вещи и покупки — всё было оставлено в городе на квартире у сестры

¹ Так в рукописи.

²⁻² Добавлено позднее на нижнем поле листа теми же фиолетовыми чернилами.

Анны Михайловной Фадеевой¹. /152/ Через 10 дней по приезду кокоринцы ездили в Петрозаводск с рыбой и вывезли наше барахло.

В годы 1912—1913 в Питере модными песнями в народе были: 1) «Вот вспыхнуло утро» (Чайка); 2) (Наборщицы): «Вечер вечереет, наборщицы идут, Маруся отравилась, в больницу увезут»; 3) (Мой костер в тумане светит); 4) (Неслышно шумо городского, за невской башней тишина). Знаменитые артисты того времени были Шаляпин, Ершов, Вяльцева. Наша хозяйка Лидия хорошо играла на рояли и имела хороший голос. Она часто выступала в Мари[и]нском театре не для цели заработка, а как для (славы). Какие деньги за песни ей платил театр, она все жертвовала на благотворительное общество престарелых. Война много создала песен, и эти песни в народе переделывались на свой лад — кому как было надо. Песня, или как говорили тогда, романс (Чайка) исполнялась так!

*«Вот вспыхнуло утро! Румяняется воды,
Над озером быстрая чайка летит.
В ней много простора², в ней много³ свободы.
Лучь солнца у чайки крыло серебрит. 2 раза
Ну, что это — выстрел! Нет чайки прелесной.
Она умерла, трепеща в камышах.
Шутя её ранил охотник неизвестный,
Неглядя на жертву сам скрылся в горах. 2 раза
Безумец охотник, шутя и играя,
Он юное сердце навеки разбил.
Навеки разбита та жизнь молодая,
Нет воли, нет жизни, и больше нет сил. 2 раза».*

/153/ Этот романс переделан на военный лад. Пели солдаты в окопах:

*«Вот вспыхнуло утро и выстрел раздался,
И грохот безумный пошел кананад.
Над нашим окопом снаряд разорвался,
Посыпались гвозди, каблук оторвался».*

*«Вот вспыхнуло утро, румяняется воды,
Над озером быстрая чайка летит.
В ней много простора, в ней много свободы,
Лучь солнца у чайки крыло серебрит. 2 раза».*

*«А прапорищик юный со взводом пехоты
Старается знамя полка отстоять.
Один он остался⁴ со всей¹ полуроты,
Но нет, он nebude на зад отступать. 2 раза.*

*Окончился бой!! Земля покраснела.
Врага мы угнали к далекой реке.
Но только на утро нашли его тело.
Знамя!! Держал он в застывшей руке. 2 раза».*

¹ Далее со следующей страницы текст написан чернилами другого (зелёного) цвета

² Написано над строкой над зачёркнутым *свободы*.

³ Следом зачёркнуто: *прост*.

⁴⁻¹ Написано над строкой над зачёркнутым *полуроте*.

Это же пели у гулящих девиц на Лиговке:

*«Вот вспыхнуло утро, затишье в шантане,
По всем кабинетам погасли огни.
Не спится лиш только красавице Тане,
Они со стариком в кабинете одни».*

Появилась новая песня о войне:

*«Друзья, простите вы меня, нарушу ваш покой.
Спою пред вами песню я с печальной душой.
Должно судьбы законов свод нам дал четырнадцатый год,
Что помнить будут все из рода в род.

Пришла кровавая война, повсюду стон и плачь!
Картина ужасов полна, мрёт бедный и богачь.
С разбойничим стремлением над мирным населением
Пронесся всеми проклятый палачь.

/154/ Ох, люди, люди, братья! Примите беженцев в свои объятия.
Друг друга мы должны любить, тогда мы сможем
победит, мы сможем победить тогда врага».*

Появилась песня у молодежи (двухсмысленная):

*«Поработаем стобой на оборону, на оборону, на оборону,
И как водится, конечно, по закону, а по закону, по всем статьям.
Мы сидели на диване было тёмно, ах, было тёмно,
Ах было тёмно. Целовались, обнимались. Было
томно, ах, было томно. Правда, да!»*

Дальше письму не подлежит (похабщина идёт).

Были в те времена и курорты, куда, конечно, ездили те, у кого денег много, и вели праздную жизнь, ища приключений.

Лизгинка, на её мотив:

*«На мотив лизгинки словно на картинке
Дам рисунок драмы одной светской дамы.
Как она в экстазе, сидя на Кавказе,
Водами лечилась, по горам носилась.

Лечила, во-первых, что то в своих нервах,
Но пустому сердцу — бабе — надо перцу.
Всежтаки то клином свет весь не сошелся,
И по этой бабе перец ей нашолся.

Раз под вечерочек дама на часочик
В горы удалилась, ну и заблудилась.
В ужасе и страхе. Вдруг в большой папахе
Вышел ис за скалы проводник удалый.

Стройный как былинка, тонкий нос с горбинкой,
Подошел он близко и поклонился низко.
Дама с робким взглядом отступила задом
И к скале прильнула, в сердце ей кольнуло.*

*Молвил горец стройный: будь мад[а]м покойный
Проводник я горный, вам слуга покорный.
/155/ Так под разговоры шли они всё в горы,
Шли они без фальши, всё в ущелье дальше.
Сузилось ущелье. Дама, что с похмелья,
Голова кружится. Ой, беда случится.
Проводник, каналья, взял её за талью.
Дамочка раскисла и на нём повисла.
А что было дале, люди не видали,
Камень бы поведал, языка бог не дал.
Через год пригожий, на горца похожий,
Черный, что галченок, родился ребенок.
Муж за эту штучку прописал ей взбучку.
Вот конец всей драмы одной светской дамы».*

И вот начались кое какие недостатки в товарах. Началось распределение по областям.

*«Случалось вам, товарищи, могло быть иль не быть
Среди житья скандального успел кой что забыть.
Один вопрос по бремени, вопрос подобен времени:
Вопрос о том — дают или не дают.
Все паночки, и мамочки, и девочки совсем,
И барышни, и дамочки вопросом бредят тем.
Все ходят одурчёные, в задачу погруженные,
А что, мол, здесь — дают или не дают.
А кто богатой нации, тому мука пустяк,
Он, сидя в ресторации, сгибает свой костяк.
И пред распределителем, как будто пред родителем
Заискиваясь эдак и вот так.
То мелким бесом стелется, то ручку ему жмёт,
Что всё, мол, перемелется, по старому пойдет.
Да как вы поживаете, да многоль наживаете.
А что у вас — дают иль не дают.
...¹ в переднике, возвысив грубо бас:
Чего вы приступаете, нема муки у нас.
/156/ И прочь пойдут приятели, столицы обыватели,
Шушукаясь — вот в этой не дают.
Итак все люди днями-днями, ходят с
За изумлёнными тенями. Тенями всё
Ходят в бакалейные с улыбками гелейными:
А что у вас — дают или не дают».*

И так, июнь-июль 1915 г. я прожил в деревне. Мария Артамонова, за которой я немного ухаживать начал, научила меня ходить кадфель, лонца. Пляска проходила на Бардовском мосту только по воскресеньям.

¹ Первое слово в строке неразборчиво.

В августе 1915 г. я уехал обратно в Питер. В Питере ходил ко всем землякам, которые были взяты в армию. В лейб-гвардии Измайловском полку служили тесть мой будущий Гевстегней Гаврилович, Иван Гаврил[ов], Василий Федоров, Иван Игнатов. Были они во второй роте. И вскоре их отправили на фронт.

Дела в торговле значительно ухудшились. Стала нехватка товаров. Да и ясно. Все материалы: сукно, трико, драп мы получали из Польши, Лодзь-Варшавы. А Польша вся объята войной. Словом, продавали и вновь делали только из старых запасов.

Я по приезду узнал, что ребята, что по старше, тайно чистят хозяина. Рано утром шубу на хорьковом меху — в кардонку, на извозчика, и заложат в ломбард. Стоит она 300 руб[лей]. Ломбард дает 150 р[ублей]. Ну, ясно, ломбардную квитанцию — в печь. Деньги разделят, и шито крыто.

/157/ Себя, конечно, каждый обеспечил всем, но дома не держали — нельзя. Было разнесено по знакомым. С моим приездом в дело они меня посвятили, так как я открывал и закрывал магазин. Меня обеспечили костюмами, пальтами. Всё мое находилось на квартире Петра Ивановича Егорова.

В октябре, ноябре дела стали еще хуже с торговлей. После Польши материалы получали из Риги. И стал ощущаться не недостаток в товаре. Многие по меньше магазины начали закрываться. И унас вместо 12 продавцов стало пять, и мальчиков — четыре-пять вместо десяти.

Случайно я познакомился с молодыми ребятами кожевенниками из Тулгубы через Малафеева: Сергей Васильевич Макаров, Александр Гаврилов Макаров, Михей Алькин из деревни Тулгуба. У них тоже дела с торговлей стали плохи. Постепенно стали магазины закрываться.

И так, 10-го декабря мы с Сергеем Васильевичем были на Гончарной, где наш Олонецкий вокзал. Нашли там олончан на лошадях, кореляков с Тивдии, наняли. [У] Харламова я взял расчёт, и поехали в деревню. А Макарову надо было ехать на призыв в деревню. Макаров С. В. старше меня был на год. У С. Макарова было денег много, он тогда был закрутивши с одной женщиной из Одессы. И вот она уехала в Одессу, и он всё хотел туда же уехать. /158/ Но мы его кое как отговорили. В Питере он купил ящик тройного одеколona, килограммов 20, бутылки по 500 граммов, да коньяку по дорогой цене, бутылок 20. И мы отправились в путь. Извозчик тоже попал молодой, кореляченко. Как приедем в какое большое село — заезжаем в самый хороший дом, нанимаем где это можно квартиру, и устраиваем вечеринку. И так, значит, тут днёвка: пьянка, гулянка. А я только еще начинал пить водку и всякое зелье винное. У меня с собой была двухрядка гармонь хромка, я немного начинал играть на ней. В селе Ныр-ки до того до гуляли, что там и чехол от гармонии остался. Чехол был из красного бархата.

Вот, уже один день остается до Рождества, а мы еще только от Олонца отъехали. А две недели уже в дороге, когда можно проехать за семь дней. А Сергей домой в Тулгубу писал, что на Рождество приедем. Тут тогда извозчика мы оставили, а поехали на ямских, на переменных. Приезжаешь на станцию, можешь сразу ехать дальше — вторые лошади готовы. А то попьешь чай или пообедаешь — и в перед. И так эти сутки мы нажали, и к раннему обеду в Рождество на тройке с колокольчиками приехали в Тулгубу. Только там сели обедать.

Тут у нас с ним началась новая гулянка. /159/ Каждый вечер ездили в Суну на беседея. В Тулгубе в то время был старик Родькин. Все его звали почемуто (дядя Кябела). У него были в руках пальцы все простреляны или чем-то отдавлены, да и ходил он плохо, волочил одну ногу. Но мастер был варить брагу. Как три стакана выпьет кто, и сног долой.

Тут он Сергею наварил два боченка. И вот Сергей возит с собой боченок и всех угощает, конечно, кого следует. Как, бывало, выпьет и вот всё поёт:

*«Ямицик, не гони лошадей,
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить,
Ямицик, не гони лошадей.*

*Как грустно, туманно кругом,
Тосклив, безотраден мой путь,
Всё прошлое кажется сном
И томит наболевшую грудь».*

Так это, Сергей скучал по Одессе. После Нового года 1916 г. мы приехали в Мянсельгу к Костиным и там жили целую неделю, всё ездили с девочками на Крещенские в Лижму.

Из Лижмы на второй день Крещенья я распрощался с Сергеем и с дядей Костей Егоровым, уехал в Кокорино. К Новому году в Тулгубу приехал оставленный нами наш извозчик из Олонца. У него тоже до того было /160/ допито, что сбился с реантира¹ и вместо того, чтоб ехать в сторону Петрозаводска, поехал опять в сторону Питера. И очухался, когда проехал два перергона: километров 70 в сторону Питера. Но наши вещи не растерял, всё привез в Тулгубу. Заплатили ему 30 руб[лей], а по договору было 20 рублей. Но благодаря нас², он вместо семи дней в пути ехал три недели.

По приезду домой я уехал к матушке на родину к Мехтюлю. И там со Степаном и Гришей все межговенье ездили по бесежьям. Приехав домой, тут Константин Иванович задумал жениться. Отец мой был ему кресной. И вот мы поехали сватать в Шайдому к Ивану Филиповичу — Александру Ивановну. Она со мной на одном году, ей было 17 лет, восемнадцатый пошел. Помню, девушка была красивая, высокая, румяная. И еще осталось в памяти: я на вечеринке сел в круг с какойто девушкой, и дотога до баловался с ней у окна, что выдавили в раме стекло.

В деревне людей было мало, все на войне. И вот, я был у дяди Кости шафером, ездил с ним собирать пароду на свадьбу. У них тогда был³ молодой конь, рослый, цвета темно бураго, сдоровый⁴.

/161/ Были на Кедрозере, в Лижме, на Илемсельге у Генина. На обратном пути в Лижме дядя Костя заехал в контору окц[ионерное] об[щест]во «Дубровка», где он служил приказчиком на лесной заготовке. Старшим был фин, некто Костилайнен. Купил он в Лижме пять ящичков мармеладу и много конфет. На обратном пути ехали уже потемни — на дуге, конечно, колокольчик — и дядя Костя коню не давал ступить, всё ехали рысью. В гору, под гору — всё бегом. Но конь был мощный.

И вот, приехали домой, коня оставили как полагается, у ступеней. И мы не видели, что конь заступил и оторвал повод от уздечки, который отвязался от дуги. Дедушко Иван Тимофеевич пошел убирать коня, распрег на сарае и видит, что повод от уздечки оторван. И давай ворчать. А дядя Костя в то уже время вел хозяйство и строго держал всех в руках, ему против слова не смели сказать. И вот, я в избе умываюсь у рукомойника. И дядя Костя в горнице. Приходит дедушко Иван Тимофеев, в руках несет обороть, и обращается к Василию Ивановичу: «Глядики, Вася, молотци-то доцего доездили. Ляй-то, повод от оборти оторванной. Этим яздокам /162/ надо ни сбрую хорошу одевать на коня, а лыщянну шлию, да лыщянну обороть. Вася, скажи ты ёму».

¹ Так в рукописи.

² Так в рукописи.

³ В рукописи два раза.

⁴ В рукописи исправлено из сдоровый.

(А Василий Иванов[ич] говорил круто. И говорит: «Скажи-ко сам!!»)»

(Дед:) «Цего сам! Скажи ты, рогов не скуя».

А Василий Иванов[ич]: «А не скуя, да скуя!»

Так, на этом у них разговор и закончился. Ни один не смел сказать дяди Кости, что оборвали повод у оборти. Через несколько дней ездили на свадьбу в Шайдому. Свадьба была знаменитая.

В конце февраля брат Иван приехал с фронта по ранению. У него была повреждена ладонь и пальцы правой руки. Приехал по чистой отставке. Так выражались — по белому билету. Зимой — март, апрель — я сним возил бревна для отделки второго этажа дома и надстройки сарая над хлевами. А весной ловили сним неводком, мережами, сетками. Ловили рыбы много. В конце апреля, перед Пасхой, под избушку у Спаса в тоню раз попало пудов 50 корях, и другой рыбы было пудов пять. Под Габостров попало в тоню окуней крупных пудов 12. Под Щуковец о Благовещенье попало лещей в тоню пудов 18. На Бучманке попало в тоню ершов пудов 20. Словом, рыба ловилась хорошо.

/163/ В конце июня приехали в город с рыбой. Тут я поступил в Петрозаводске в Гостинный двор: магазин Вишнякова. Магазин готовой одежды всего один и был в Петрозаводске. Но работать там пришлось только месяц, тоже стало торговать нечем. В Петрозаводске встретил я Ивана Графова. Он работал служащим у «Дубровки»: стоял в задней комнате у дяди Кости Егорова. Там он взял расчет и мечтал перейти в другую фирму. Он мне и говорит: «Пойдем вместе поступать, ведь бревно смерять умеешь, и елку от сосны отличишь. Ну, и поступай служащим, сначала приёмщиком леса, а там продвинешься и дальше. Веть тут дело темное, можно вет[ь] с возчиками договорится и под-заработать окромя жалованья. Да и в лесу жизнь-то какая благодать».

Ну, я и решился, черт сним, что и будет. И поступили мы в начале августа. В Петрозаводске — Маринская, угол набережной — была контора Рижского отделения «Акционерное общество леса и сплава Ш. Шалит». Управляющим был в Петрозаводске Гинзбург Борис Федоров, еврей сдаровенный.

Управляющий направил нас в Заозерье, что за Соломенным. В деревне Шлыкино было отделение конторы. Приказчиком там был Мартын Кузмичь Великанов. /164/ Пожилой мужчина, лет 50, старовер с окладистой черной бородой. Семья его была — сын Василий лет 14, и дочь лет 16. Занимал он второй этаж в доме Шляккиева. С Графовым Иваном мы жили в горнице в низу, да и дома то были только к ночи, и то в неделю два-три раза. То ночевали в лесу с лесорубами — было сделано много землянок на участке — или уходили в Тулгубу, или в Суйсарь. Участок находился от Тулгубы восемь километров и от Шлыкина восемь километров, от Суйсари восемь километров. Это полоса казенного надела тянулась на 10 километров в длину и четыре-пять километров [в] ширину. Возили бревно и дрова на три биржи: в Шлыкино, в Тулгубу и в Суйсарь.

В это летнее время на участке производились подборочные работы, где в основном делянки были вырублены. А кое где в сторонах оставлены одиночные бревна, куда возчику исза двух-трех деревьев ни хотелось заезжать. И вся вершина была не вывезена, оставлена лесу. Вершину хлыста разделявали на дрова, на (шестеру), то есть метровку. Толстые колоды и складывали в костры не меньше $\frac{1}{2}$ кубической сажени. А срубленные отдельные бревна на месте корили через топор и сваживали на лошадах волоком в отдельные кучи по 20-25 штук к бывшим проезжим дорогам, или складывали на более /165/ на гладких местах на прокладки, чтоб зимой легче было найти. И вырубалась визирка, и ставились знаки. Лесо-заготовители были большинство финны. А возкой леса в кучи большинство занимались мужики из Суны, Кодогубы и Кодострова. Трелёвка бревен требовала, чтоб были сильная лошадь и смекалистый мужик.

Находясь в Шликином, я гулял с дочкой приказчика (Лидой Шельшаковой-Великановой). Вечера собирались ежедневно в доме солдатки Шляккиевой. Хозяйка беседы, солдатка лет 25, была добрая для молодежи, денег не брала и так, для любви к искусству, (как говорят), удовлетворяла молодых парней в большом количестве, но всё же по выбору.

Напротив дерев[ни] Шликино в конце губы была деревня Рудники, домов восемь. На конце деревни были огромные ёлки, куст[ы], и там было кладбище. Летом молодежь собиралась туда, танцевали, а некоторые дулись в карты в 21.одно¹.

Там, в Рудниках, была интересная семья Самсуковых. Дом бы[л] старый: большущая изба и маленькая горница. В горнице жил старик со старухой и две дочери взрослые. А в избе стояло девять шт[ук] небольших столиков. Их было девять братьев. И все они жили отдельно друг от друга. Четыре брата было женатых, пять холостых. Вот и вообразите такую семейку в избе. /166/ Все мужики и парни были забудыги, пьяницы, младшему было 18 лет, но работали все на сплотке и сплаве в устье реки Шуи. Тут она впадает в озеро Логмозеро. Приятелем моим был один из них, высокий здоровый холостяк Егор Самсуков, но картежник был страшный, чем я не занимался. Бывало, проиграется в пух-прах, и потом неделю я его снабжал деньгами. А через неделю всё отдаст и самогоном угостит. Были случаи не редки, что он и выигрывал много. Ну, тогда он неделями не работал и задавал пир горой. Осенью их стали забирать в армию, а до этого время фирма Бранта, лемпромышленника, как то их держала, как бы на брони. Тогда называлось «на учете».

В ноябре, в начале, меня Великанов отправил в Тулгубу. Поселился на квартире я у Макарова Михаила Иванов[ича], а Григорий еще был тогда 13 лет. Там у них всё время стояли служащие Шалита. В амбар было завезено много продовольствия: муки, крупы, сахар-песок, в общем, всего, и даже обувь и мануфактура для расчета с лесо-заготовителями и возчиками. Тут-то я близко узнал дядю Родькина (Кябялу). Он искусно варил брагу. Как два стакана выпьешь — и кверху ногами. Один раз получилось, что бревна /167/ привозят, надо мужикам сдавать, а приёмщик, я, на свалке бревен лежит без-души. Догадался один — Савелий Тихонов с Кодострова — свез меня домой. А когда ночью проснулся, хватился: ключей то от склада нету. Я — в склад. Так, мое счастье, склад то закрыт, а ключи в дверном замке. Видимо, никто не приходил к складу, ничего не украдено. Графов Иван был отправлен в Суйсарь.

Утром рано, бывало, уеду на делянку, 10 километров обойду участок, а на вечер — в Шликино. Утром из Шлыкина — в лес с возчиками, к ночи на вечер — в Тулгубу. В Тулгубе было много молодежи. Вечера каждый день в избе солдатки (у крендаля) Родькина. Гулял в Тулгубе я с сестрой приятеля моего Сергея Васильевича Макарова, с Марией, что после вышла замуж (в Тюрино). А еще гулял больше с Ольгой Федоровной Копиной. После, как стало известно, она 20 лет в 1914 г. умерла девицей.

В конце ноября в Тулгубу приехал приказчик: старичек, старый брантовский работник, хороший специалист, Василий Кондратьевич Шельшаков с своей второй молодой женой. Той лет 30, а ему было лет 60. Родом он был пудожск[ий]. Он меня направил вербовать возчиков, дал казённых денег — давать мужикам задатки под расписку, чтоб ехали к нам на вывозку леса. Сопровождающим мне был Петр Мокеевич Логинов, /168/ по деревни прозвище (Мокийковы). Дали хорошую лошадь, и мы отправились в путешествие.

Петр Мокеичь был старше меня. Проехали мы через Шимозёра в Новинку, с Новинки в Пегрему, Ламбас ручей, Липовицы, Великую губу, Толвую, Кузаранду, Космозеро, Уски, Пустыню, и, наконец, в Кокорино. В больших деревнях собирали вечера и сходки с мужиками. На вербовали лошадей 60, задатков раздали рублей 700. По возвращению в Тулгубу — в Чеболак-

¹ Так в рукописи.

ше у Матючиных — сосватали за него. И через 12 дней явились в Тулгубу. Возчиков уже чело[в]ек 40 было приехавши на работу с нашими записками.

Тут начались видиньевские беседья. В Тулгубе праздник — Ведение¹. Ежедневно — вечера, пьянки. Особо в пьянке и драке отличались сунская молодежь: братья Власовы, Тимка Тюков, Ваня Давыдков (Бучман), Епяковы, Пителаяевы. У них было так: (кум-так-кум, а нет, так-и ребенок об пол). То скемнибуть надо подратся, а то и между собой. Тюков Тимка, бывало, шапку вымажет в душнике в сажу, сядет с девкой в (круг) — тут в Тулгубе звали в (шин) — и всю девку вымажет в сажу. А лампы дотога закроют шапками на воронце, да до увертывают фитиль, что в квартире темень, да и молодежи битком набито, не пролезеш.

Мужики обычно стоят у порога, следят за порядком, да для хозяйки квартиры собирают постовое: по десять коп[еек] с парня за вечер. /169/ С девчат не брали ни чего. Пойдут собирать [с] чашкой или банкой, лучинка в руках. Человека три ходят, собирают, а другие стоят у порога, что ктонибуть не ушолбы в сени, не уплатив гривенник. Наберут, бывало, руб[лей] семь-восемь в вечер.

Там был порядок — водили девок, так называемый (соугин), под гармонь. Парень выводит девушку, та — пройдя с парнем два, три раза взад и в перед — называет имя и фамилию парня, скем она хочет плясать и сесть в (круг), в (шин). А если парень её брать не хочет, то всё равно, если он порядочный человек, он должен её сводить в кадрель или лонца. Но были и такие, что на вызов девушки ни как не отвечали. Это для девушки был позор. Девки, бывало, нейдут в (совгин)², но их силой заставляли. А если не пойдеш, то и шлипаков по дороге домой получиш.

И вот, бывало, над какой надсмеются, вымажут ли в сажу незаметно шапкой, ил[и] плясать не выведут. А у ней есть кому вступится за неё. Вот и драка на этой почве. По окончанию виденьевских беседьев ежедневно ездили в на никольские в Кодогубу, на рождественские — в Суну. В Суне у меня была девушка, с которой я гулял — Вера Куштуева-(Домбровская). Драки в Суне были ежедневно, но я ни в какой драке и никогда не участвовал. В память мне осталось следующий случай в Суне.

У Куштуева была своя лавка, торгошил не много. И вторая лавка была: шунскаго купца Изотова И. П.³ /170/ У Куштуева всегда были работницы и работники, у них долго жили муж и жена, и у них уже был парень годов восемь-девять, Ванька. А работника никак не звали, а звали просто (Лоскут соудат). Он пр[и]шол из армии по ранению и всё с себя, что было, пропил и ходил рвань рванью, в сменяных лохмотьях, да и краля была под стать ему. Вина пить с чужими мужиками, блудить было её любимым занятием. А кто сочинил про их песню и научили парня её исполнять, Ваньку, их сына. Однажды перед вечером собралось на деревне много мужиков, баб и молодежи. Куштуев говорит: «Ванька, спой ко песню про (Лоскута соудата). Так и быть, дам на рубаху кумаку три аршина». И принес из лавки три аршина кумачу красного. Ванька немного шепелял букву (с) как-то сюсюкал, выходило (ссс). Ну, мужики подзадорили парня, веть на рубаху сразу заработаеш. Ну, в толпе людей тут, конечно, и сам Лоскут, и мать — по обыкновению пьяные, или в резу в большом. Вот, Ванька вышел на середку и начал:

«Как у Лоскута соудата Феня была тоустопята.

Она ходит цоголяя, Макару всего давая.

Лоскутишечко проведат, он к Изотову забегау.

Вина красна накупиу, Макаруху напоиу.

¹ Так в рукописи. Имеется в виду церковный праздник Введение во храм Пресвятой Богородицы, отмечался по старому стилю 21 ноября.

² Так в рукописи, ср. выше: *соугин*.

³ В рукописи буква, обозначающая отчество, читается неуверенно, возможно: Б.

*А потом его спросиу:
Не любиу ли ты жены да непрosciу ли ты ?...¹
Макаруха все фискалит, Фенин он товар не хвалит.
...² и делом не берет, только вино он всё пьет.
/171/ Сам Феню кажен день! ...»³*

Дальше писать никак невозможно. Так под общим хохот Ванька на рубаху получил.

Вернусь назад к началу 1916 г. В Петрозаводске, где был учеником в лавочке у купца Нестерова брат Федор, тоже дела стали сворачиваться. Торговать то стало нечем. Федор приехал домой. Ему было 13 лет. Весной брат Иван его поставил ночным сторожем на сплотке в Коткушке, где сплывали в кошеле лес, собирали гонку. И в то же время он был кашеваром. Бывало, вечером берет мою гармонь двухрядку на плечё и отправляется на своё дежурство. Гармонь так растягивает, что она орёт на всю мощь и непоймешь что, но ему, видимо, было не важно что, а лишбы орала громко. (Недаром, бывало, кореляк один говорит, глядя на гармониста): «У нас всяка музыканта какой ни гармонь в руки возьме, всяка варандаят». К утру, часам к шести наварит пшенной каши котел на 30 человек, согреть чайники. Приходят рабочие — всё им сдает. А мужики скажут ему:

— «Федюха, надо клась масло в кашу в котел? Сколько надо клась масла, чтоб было в раз?»

Он отвечает:

— «Надо налит масла в котел, перемешать кашу и шлёпнуть по каше ложкой! Если после удара ложкой по каше брызги летят во все стороны, значит масла в раз положено».

/172/ И опять гармонь на плечо, сам весь в саже, отправляется домой, раздирая гармонь на всю мощь. Бывало, в 1908 г. приехал из Питера на призыв Петр Иванов Егоров, он призывался в месте с братом Иваном, подарил Федюхи белую жилетку, она и велика ему, но карманов много. Вот, Федюха оденет жилетку, руки сунет в карманы, идет — брюхо в перед. Петр Иванов спросит:

— «Как тебя, мальчик, звать?»

Он отвечает:

— «Федор Никифорович Улитов Кирилов Акатов».

Тот расхохочется, а через полчаса снова спросит как звать. И после каждого раза даст три-пять копеек на гостинцы Федору. А почему говорил: Улитов–Кирилов? Так бабушка-то наша звать (Улита Кириловна). После окончания этой сплотки Федор был переведен сторожем на Матгубу на усье, где был[о] собрано в кошель 5000 хлыстов бревен и обнесено двойным оплотником. А на самом наволочке, на берегу стояла избушка. Както рано утром я приехал туда на лодке, разобрал избушку по бревнышку, снял крышу. А сторож так спит, что не слышал как разобрали избу. Вот какой был надёжный сторож.

Тут на усье на оплотке работали кто с Кокорино, кто с Ямки. И был один кореляк. И этот кореляк рассказал один случай, как у него получилось со своей старухой. /173/ Осенью кореляк со старухой вырубил лес в одном месте под репище, чтоб весной этот лес сожечь и посеять репу, как это у нас делалось. И потом, если место подходящее, то год от года всё ниву прибавляли. И получалась поляна или пожня для покоса, в зависимости от почвы. Так у нас разде-

¹ Так в рукописи: многоточие.

² В рукописи неразборчиво.

³ Так в рукописи: многоточие.

ывались все поля и покосы. Руби где хочешь, никто не воспрещал. Вот старик со старухой пришли (валить), так называют, значит (жечь). У них была с собой взята собачёнка небольшая, звали её (Мудаль) по корельски. Придя на вырубку, подожгли валежник со всех старон и подшевеливают, чтобы лучше горело. В это время на середине этого валежника спал заяц. Собаченка подняла его, он вскочил, спросонья-то — бежать, собака вслед. А куда не кинется — там огонь, тут огонь, а то люди кричат. Вот заяц и носится в нутри по кругу по валежнику, а собаченка в след с тьяканьем. А кореляченко увидел, что Мудаль гоняет зайца, кричит, подбадривая собаку: «Усь-сано-Мудаль!» Вот, Мудаль гонялся, гонялся за янисем (янис) (заяц), а поляна уже кругом горит. А мужик с бабкой с краёв подваливают обгоревшие вершины и стволы в кучи, чтоб лучше горело. И вот уже вся вырубка в пламене, а Мудаль с зайцем притихли, не слышно.

«Верно, — бабка говорит, — /174/ выбежали с пожарища».

А мужик всё продолжает кричат: «Мудаль, Мудаль, коттиля, котти». (Значит: Мудаль, иди домой).

Гдето далеко отозвался лай. Старуха говорит кореляку: «Наша Мудаль далёко гоняет яниса».

Приходит время обеда. Бабка скипятила чайник, и старик всё еще поварачивает на пожарище кучки. Смотрит — лежит заяц обгоревший. Ну, словом, мясо пожарилось на готово. Он берет зайца, вынимает внутренности, посолил внутри и еще на огне подпекает. Бабке и говорит: «Сано, бабка, янис сам поджарился на готово». Старик ножом разрезал тушу на кусочки: «Ещ, бабка, да¹ бога благодари за такую удачу нам». Бабка налила кружку чаю, берет кусочек хлеба и мяса. Откусила мясо и чуть-то поморщилась, говорит:

— «Детко, сано-Мудаль?»

— «Эй, бабко, янис!»

— «Эй, детко, сано Мудаль».

— «Эй, бабко, Мудаль — слышала — гдето далеко тяфкала. Мудаль, верно, другого зайца гонит, ешь, сано, янис».

Когда мясо пришло к концу, тошто кореляк догадался, что съели то Мудалья, ведь у зайца ноги задни дольше передних, а тут все одинаковы. Да и Мудаль не вернулся.

Был еще случай на этойже Матгубе на Усье. На наволоке тут есть пожня Ефремка матгубскаго. /175/ Еще в годы 1906—1907 мы её косили с празги, то есть, за пожню платили Ефремку два рубля за год. Этот самый Ефремко был мужик скряга, жадный, и поэтому у него имелись деньжонки. Денег он никогда дома не оставлял, всег[д]а они были зашиты под подкладку в жилетке. А желетку он не снимал ни днем, ни ночью. Было зашито две катеньки и четыре четвертных билета (катенька — 100 руб[лей], четвертной — 25 руб[лей]). Значит, было 300 руб[лей]. По тому времени это большие деньги.

Вот, ехали они на пожню на покос. У них около усья были пущены сетки, чтоб достат свежих [рыб] на уху к обеду. Так делали почти все мужики. И угодил чёрт ему в сетку — за рыбиной попала огромная старая гагара. Ну, и рыбы, конечно, попало. Вот, он гагару из сетки выпутал и сунул в кошель, предварительно сняв оттуда хлеб и соль. Приехав на пожню, начали косит. Ему стало жарко. Он подошел к огнищу. Слышит — сильно бьётся гагара в кошеле. Жалко стало старику — задохнется гагара. Он вытянул гагару из кошоля, привязал её за ногу к кошелю веревочкой, что закрывает нахлупник кошеля, снял свою жилетку, так как ему было жарко,

¹ В рукописи: до

и проемы для рук в жилетке напихал гагаре на шею, а бортами закрыл крылья, чтоб она не билась, и под брюхом застегнул на пуговицы желетку. И ушел косить. Гагара билась, билась, както пуговицы¹ отстегнулис у жилетки, /176/ а веревочку, что была привязана за ногу, она сумела растрепать ртом. Да и веревачка была — шпагат старый от тятивы от старых сеток. С шеи у неё небыло толку сбросить жилетку, что уней голова век в верху. Видя, что у ней крылья свободны, нога свободна, она разбежалась — три-пять скачков — и улетела вместе с жилеткой.

Старик, видя как гагара полетела с жилеткой, ох он и зашавел на пожне, он и молить её на коленях, и палками кидать. Да нетут-то было. Хотя с трудом, но всёже гагара улетела. И так сней улетели и 300 рубл[ей] Ефремовы. Через год осенью нашли жилетку люди, что были за волнухами. Но, вестимо, что желетка сгнила, и деньги сгнили. Только в руки желетку стали брать, она разъехалас, и деньги тоже. Это было за пол километра от той пожни, где она поднялась с жилеткой.

На проходе был уже 1916 г. Брата Александра призвали в армию в августе 1916 г. Он попал в Финляндию, в город Тамерфорс, в 422-й Колпинский пехотный полк. В Тулгубе мне жилось очень хорошо. Когда приехал приказчик, старичек Вас[лий] Кондратьевич, я только стал заниматься приемкой леса в лесу и на берегу. А расчеты, дело о заботе с продуктами от меня отошло. Все это ведал дед.

/177/ Табаку Шельшаков В. К. не курил, а нюхал. Вот, он и давай меня приучать нюхать. Да я както втянулся нюхать, даже курить бросил. А потом стали надо мной смеяться, и я бросил нюхать. Вечерами иногда начинает рассказывать былины да энекдоты. А жена то и скажи ему: «Брось то в рать ни дело». А он наместо отвечает ей как кто-то сватал. Но он принимает это все на себя, будто это было с ним, с самим.

— «Помниш ли, старуха, как я сватать-то тебя приехал, а?? Небось, ёзонула по лавке-то, ёзонула-а-а!! Тошто спицю в жопу заклала. Помниш ли, как после свадьбы я спицю зубами с жопы тёнууу».

Старуха скажет:

— «Ой, сдохните, старой ярятик, задавись».

— «А помниш ли аще недавно было как нападет старуха зубаткой кармить. А я взяю свицьку, цёго ей жаль. Я сразу беру топор и кричу:

— «Ах, старая, вот пойду и отрублю (струмент) свой».

Я с топором-то иду на сарай, вынимаю (струмент).

— «Отрублю!» — кричу. Вот она и бежит следом то, орет что есь мочи.

— «Ой, ой, жит церныш, не руби струменту то, стобой грехи да хлопоты, а с гим ни когда худа слова недт-т». Уже оканчивает чуть не со слезами.

/178/ 10-го января 1917 г. мне прислали повестку на призыв [в] солдаты. На 18 января явится в Петрозаводск к воинскому начальнику. Получив расчёт, меня Петр Мокеевич отвёз в Кокорино. Со мной из деревни призывались Александр Иван[ович] Акатов, (Ерошкин), Иван Сысоев, Николай Волков с Бардова, и я. В деревне пробыл пять дней. Доставали в Лижме денатурат на станции. Тогда уже товарные поезда немного ходили. А до Петрозаводска со Званки два раза в неделю ходили пассажирские поезда. Тогда уже умели и брагу варить, но звали не брага, а квас.

¹ Так в рукописи, ср. выше *пуговицы*.

К воинскому начальнику в Петрозаводск. Приехали к воинскому 17 января. Выстроили всех во дворе. Новобранцев было человек 300. Началась выборка. Кричат унтер-офицерам отобрать во флот 30 человек. Вот, на личность унтер выбирает и выводит из строя, а там как еще решит врачебная комиссия, и еще там же сидит воинский начальник и офицеры. Слышу, кричат из коридора — отобрать в артиллерию 50 человек, только давайте широко-плечих, толсто-мордых. Тут и меня вывели из общего строя.

Со мной попало на службу в город Луга — первый запасный арт[иллерийский] дивизион третьей батарее — Аксенов Иван, Фисфитиных Владимир, дер[евня] Горка; Карпин Петр (Нювинка); Палтусов Егор, дер[евня] Гангозеро; Акулов Степан, дер[евня] Владимирская (корела); Коначков Иван, дер[евня] Нигостров, и я. Вот и все.

/179/ 25-го января нас привезли в Петроград. При переезде на Варшавский вокзал с Николаевского вокзала я договорился с сопровождающим нас (унтер-офицером)¹ — по артиллерии: с ферверкером — что я приеду к утру в Лугу один. Я уехал к товарищам в Петербурге. Было воскресенье, семь часов утра. Провел день в Петербурге у товарищей, ночью выехал в Лугу. В Питере я узнал, что положение в Питере сильно натянутое: недостаток хлеба на заводах, забастовки, по неделе стоят заводы.

В пять утра я уже приехал в Лугу. А половина седьмого уже был в третьей батарее. После дневного отдыха нас сводили в баню и выдали всем обмундирование. Вот тут-то и началась муштра: час — пеший строй, час — езда на учебных лошадях без седла. Но лошад[ь]ю ненадо было управлять на плацу, она прекрасно понимала команду. Командуют: «рысью, вольт-на право-о-о-о» — лошадь сама поворачивает по кругу на право, а на лево — так поворачивает налево.

Утром поднимали в семь часов: умывание, гимнастика и чистка конюшен и лошадей. После завтрака опять езда, словесность изучения устава, и занятие, и изучение трехдюймовых орудий.

В 20-х числах февраля упорно ходят слухи, что в Питере беспорядки, разгон забастовщиков с применением конной полиции, казаков и жандармов. В дивизионе и в батарее стала жесткая дисциплина. После занятий из казарм никуда не отпускают. А всё равно была связь с другими батареями и частями.

/180/ Утром часов в десять мы были на улице, на занятии у орудий: пробно по команде наводили прицел, заряжали орудие холостым снарядом, делали² согласно команды отметку по орудийной понораме. Смотрим — из под горки по дороге к батарее поднимается в строй с флагами и с песнями «Отречемся от старого мира» — шла автомобильная рота и ремонтные мастерские дивизиона. Там большинство были всё рабочий люд. Они и явились первыми застрельщиками в Луге. Ну, а так как третья батарея наша была самая близкая к ним, то они к нам и пришли, чтоб с нами уже идти к первой и второй батарее. Но наш дивизион был запасный, вернее, подготовительный, то в батарее было солдат человек 600 в одной казарме. Увидев приближающихся солдат с флагами и с песнями, офицеры прекратили занятие и всех солдат загнали в казарму, и заперли все входные двери. У дверей на ружье у каждого стояли офицеры, фельдфебеля и ферверкеры. (Ферверкер, а в пехоте унтер-офицер).

Все же в казарме нашлись старые солдаты, которые знали и цейхаузы, и что в каком цейхаузе есть. И вот, под их-то руководством были сняты, вернее, сломаны замки, и что в цейхаузах было оружия — всё раздали солдатам. А оружия было десятка три карабинов, до 1000 штук наганов и более тысячи артиллерийских /181/ тесаков, которых почемуто называли (бебут), и шашек. Этим всем вооружились все находящиеся в казарме солдаты.

¹ Так в рукописи

² В рукописи: *делали*.

Ну, тогда-то нам уже не страшно было вылезать в окна первого этажа на улицу. Офицера¹, а их в батарее было до 50 человек, частью, которые побаивались солдат, ушли в свои квартиры, а частично, которые обращались [с] солдатами по человечески, те остались. Командир батареи полковник Алхазов был в то время на наружной пожарной леснице, гов[о]рил речь, просил солдат образумиться и разойтись.

Но в это же время на лесницу поднялись один старший ферверкер и два бомбардира, попросили командира кончить говорить и уйти с лесницы. Он запротестовал, грозя растрелом и арестанскими ротами. Тогда под общий крик солдат: «Долой Алхазова!» он был обезоружен и сброшен с площадки на землю. Правда, при падении он сломал руку, и был увезен куда-то офицерами.

На лесницу поднялся офицер ремонтно[й] авто команды, призвал солдат идти к первой и второй батарее, после чего идти в город, разоружит гарнизонную команду и гусарский полк, стоявший резервом на полигоне, и оставить для охраны казармы и орудий 50 вооруженных солдат. Когда пришли к зданиям первой и второй батареи, солдаты также /182/ были заперты в казармы, но кто-то из наших проник туда и сообщили как сделали в третьей батарее.

Точно также поступили в первой и второй батарее. Также вооружились и вышли на улицу. Когда уже собралось около трёх тысяч вооруженных артелеристов и ремонтные мастерские, тогда запряг[л]и десяток орудий с зарядными ящиками и со всей прислугой выехали в Лугу.

Разъезд, человек 200 конных и на шести грузовых машинах, приехали в местную команду, разоружили офицеров, а солдаты примкнули к нам. Тогда поехали арестовывать начальника гарнизона генерала Бариновича. Там в его особняк не пустили. Завязалась перестрелка с жандармской охраной и дошло дело до гранат. В этой перестрелке и был убит командир гарнизона.

К вечеру были взяты и разогнаны полицейские участки и разоружены и частью арестованы офицеры гусарского полка и два кавалерийских эскадрона. К вечеру около вокзала у южного симафора и северного были установлены орудия трехдюймовые и два орудия в концах перона на станции, так как ожидали эшелоны, которые были направлены с фронта на Петроград на подавление востания.

/183/ Мне пришлось быть номером у орудия, что было установлено в северном конце платформы на вокзале. Под утро пришел эшолон². Но он был остановле[н] далеко за южным симафором. И вышедшие к эшолону солдаты во главе с фельдфебелем объяснили солдатам. Был устроен митинг, и солдаты частично разоружили своих офицеров, а некоторые из офицеров бежали. И так, без единого выстрела было остановлено два эшолона, идущих с фронта на Петроград.

В конце марта часть наших солдат было направлено на фронт. Часть записались добровольцами и уехали во Францию. В том числе во Францию собрался и Конашков Иван Егорович с Нигострова. В армии началось дезертирство. Из наших земляков, кто служил вместе со мной, дезертировали домой в деревни Аксенов И., Фисфитинов В. из Горки, Конашков И., Акулов Степ[ан]. Вернутся через две недели, дадут им по трое суток губы, и все. Через неделю смотришь, опять на поверке кричат: «Аксенов». И солдаты, соседи по нарам, отвечают: «Нету! В (полёте)».

Тогда так называли. Если уехал без увольнительной, значит, в (полёте). Конашков И. и Карпин П. не попали во Францию, что во время отправки во Францию они были в (полёте).

¹ Так в рукописи.

² Здесь и далее в рукописи так: *эшолон, эшолона*; ср. выше: *эшелоны*.

/184/ В конце марта 1917 г. нас, человек 300, прислали в Царское-село для формирования тяжелого артелерийского дивизиона. В начале нас разместили в манеже. В манеже было устроено четыре ряда двухэтажных нар. На нарах послана солома, нары разошлись, и мелкая солома сыпалась с верхних нар в низ, так что нижнему человеку невозможно было ни сидеть, ни лежать на нарах — всего засыплет сверху. К нашему удивлению, здесь [в] Царском офицера носили погоны, а в Луге уже погон ни один офицер не носил. Офицеров было очень много, дисциплина чертовская. Отдавай честь каждому офицеру, а их што собак шныряет между нарами. До нашего приезда в этом манеже стояли кавалеристы. Пыль, грязь и такой гомон раздается, будто где-то находишься около моря, где всегда прибой шумит.

Через три дня поднялся скандал. Солдаты не ложились на нижние нары, требовали другого помещения, уходили спать на улицу. И через неделю нас поместили около царского дворца в кирпичные хорошие казармы, где ранее стояли казаки (конвой Его-величества). Во дворе сто[я]ли уже привезённые, не собранные мортиры 12 дюймовые, шесть штук, и к ним 18 тракторов. Так, наша часть называлась /185/ Третий тяжелый тракторный артелерийский дивизион: три батареи.

Сдесь уже было хорошо каждому: кровать отдельная с сеткой. Фасад двухэтажной казармы выхобил¹ в царский сад. Царь в то время уже находился в этом дворце со всей семьей, какбы под домашним арестом. Охрану дворца внутри и снаружи несли казаки. Часто можно было видеть утром царя, когда он сам ходил с лейкой, поливая клумбы около фонтана.

Наш дивизион укомплектовали сибиряками. В батарее стало по 175 человек. Тут, тогда и начались занятия по изучению 12 дюймовых орудий: сборки и разборки их. Орудие разбиралось на три части, каждая часть весила до 300 пудов. Тело орудия весило 600 пудов. Орудие разбиралось и собиралось на четырех масляных домкратах ручных. Четыре ч[ел]овека легко работали на домкратах. Орудие могло быть собрано за три часа. Но горе было вырыть под лафет (короб) котлован четыре метра на четыре метра и глубиной два метра. В эту траншею опускалось² короб орудия, на него ставился лафет, а на лафет — тело орудия и тележка кокарная, подающая снаряды /186/ в ствол орудия. Вес снаряда: полный снаряд 18 пудов, уменьшенный — 13 пудов. Стреляло орудие за 18-20 к[ило]метров. Могло стрелять почти под углом 35-40°. Так что могло стоять буквально под скалой для собственной защиты.

Так мы прожили спокойно май, июнь. Питер рядом. Я почти ежедневно был в Питере. Занятий почти не проводилось. В конце июня были бурные демонстрации в Петербурге против Временного правительства. Ходили с лозунгами: «Долой министров-капиталистов» — Чернова, Милюкова, Гучкова и многих других. И вот, на демонстрации 3 июля на Садовой, когда шли с Путиловского завода рабочие, и других заводов, а также солдаты, демонстрацию обстреляли из пулеметов. Много было убито и ранено. Стреляли с чердаков и с галереи Гостинного двора.

В то время у меня было пристанище у дяди Петра Александровича Акатова. У него была пекарня на Песках, Кавалер-гвардская ул[ица], дом 24. Ему выдавали мешков 15 муки белой на сутки, или за сколько может распечь, а потом распродать по карточкам. Хлеба тогда давали полтора фунта, то есть 600 грам[мов]. Обычно я приезжал с обеда в субботу и уезжал в воскресенье последним /187/ поездом в час ночи. Поезд дачный ходил через каждый час, а вечером через полчаса: Петроград — Павловск. Обычно после продажи хлеба дядя покупал поллитра спирта, а после спирта, когда этого мало, уже добавляли одеколоном или денатуратом. В денатурате недостатков небыло.

¹ Так в рукописи.

² Так в рукописи.

Однажды было так. Поехал я часов в семь вечера в Царское, ночь неспана, да и выпито было изрядно. Взял с собой буханочку белого хлеба. Шинель обычно в накидку, наган, шашка. И что интересно, когда идешь на поезд совершенно трезвый, то патрули в дверях на вокзале обязательно спросят увольнительную. А когда идешь выпивши, то никогда не спросят. И вот так прошел я к поезду, сел в вагон второго класса. Они окрашивались в желтый цвет. Первый класс вагоны окрашивались в синий цвет, третьего класса — в зеленый цвет, и четвертый класс были из вагонки и окрашивались в песочный цвет. (Грязный такой цвет). Ну, как только сел, сразу уснул, сидя. Просыпаюсь — зашумели в вагоне. Слышу, что это уже Павловск. Значит, Царское проехал пять километров. Снова сел на лавачку. Как поезд пойдет, выйду в Царском. В нов просыпаюсь — зашумели. Смотрю — Петроград. Не выходя из вагона, сижу, снова сплю, просыпаюсь — опять Павловск. И так я ездил /188/ взад, вперед до часу ночи. И чтоб на последнем поезде в час ночи из Петрограда не проспать, сел на ступеньки вагона, что, мол, будут люди выходить в Царском, то обязательно разбудят. Ну, конечно, так и вышло. Меня разбудили, но буханку хлеба всё же потерял.

Так, моя безметежная жизнь продолжалась до половины августа 1917 г. Вспомню интересный случай: на занятиях во время сборки и разборки орудий на домкратах. Домкраты были масляные. Както в одном из домкратов заело шестерню. Тут на помощь сразу приходят техники, умеющие обращаться с домкратами. Помню — Смирнов, техник, кричит: «Ваня, подай зубило и молоток». А я ни стога¹ слова и² вырвалось у меня²: «Как придешь в околосок, то унаших фельшеров ёд да касторка. А унаших инженеров при всех неисправностях инструмент! Зубило и молоток!!»

Словом, время шло, занимались раза два в неделю часа по два, вот и всё, а остальное время коротай как кто хочет. Ну, я, конечно, всё больше проживал в Петербурге — то у Николая Волкова на Гончарной, дом № 14, а то у Петра Александровича. Хлеба тогда еще давали 600 грам[мов]. Хватало.

/189/ На демонстрацию в Петроград 3 июля нас 2-го июля с'агитировал³ ехать некто — был подпрапорщик второй батареи нашего (З, Т.А.Д), расшиф[r]овываю: (Третьего тяжелого артиллерийского дивизиона) — сибиряк, он же отбывший срок в Александровском центре еще в 1908 г., и был оставлен на поселение в Забайкалье на станции Култук. Вместе с семьей он там жил как уже местный житель. Некто Ефим Корниенко, хохол из Полтавщины. Явка нашего дивизиона, правда не полностью, была назначена на Шпалерной улице (Петроград), дом № 30, чейто ранее особняк.

И вот, идя вместе со всей демонстрацией со стороны Путиловского завода, собирая из толпы зевак в колонны солдат и гражданских, нас от Калинкина моста уже шла демонстрация километра на два по Садовой улице. И вот, около Апраксина двора и Гостинного двора нашу демонстрацию постарались рассеять ружейным и пулеметным огнем. Жертв было много, но демонстрация наша была разогнана.

8-го июля вновь ходили с плакатами. Со Шпалерной нас пошло человек (100), а уже когда пришли на Исакиевскую площадь к Синему мосту, нас было военных и гражданских около 10 тысяч с лозунгами «Долой министров капиталистов!» Имелось в виду /190/ министры и депутаты Городской думы: Милюков, Гучков, Глазунов, Марков, Рябушинский, Чернов, и вообще всех эсеров и меньшевиков.

¹ Так в рукописи.

²⁻² В рукописи подчеркнуто.

³ Так в рукописи.

Правда, мало кто разбирался в этом: что такое меньшевик, эсеры, правые, левые. Но в этом помог разобраться¹ в то время популярный между пролетариями писатель (Димьян Бедный). В начале июля уже началась активная подготовка к проведению Учредительного собрания. Выборы правительства по собранным голосам от какой партии. Каждая партия выставляла своих кандидатов на листовках, и даже отдельными портретами. Были сделаны фотоснимки, и дана характеристика каждому депутату. Плакаты эти были развешены повсюду: в тронваях, на заборах, во всех витринах и киосках. Издано в особых брошюрах, наклеено на каждом углу дома, в поездах — в проходах и каждом (купэ). Но где только не было наклеено, даже у извозчиков на спине, на лошади — на дуге, но за это извозчик, конечно, кое что имел.

Насколько помню, всех в Петрограде было 19 партий. Всех я уже не помню, а некоторые помню: которая партия под каким номером подготавливалась на болатировку в Учредительное собрание на замену Временного правительства во главе (с Ал[ександром] Фед[оровичем] Керенским). /191/ Около 12—14 июля во всех тронваях внут[р]и, сверху, на крыше появились новые расклеенные пракаламации. И именно под каждым портретом, где он наклеен, была наклеена новая характеристика для каждого номера, под каким болатировался депутат. И каждому номеру была дана своя характеристика. К номеру № 1 и так далее.

№ 1. «Всё портреты. Многих песенки уж спеты. Мертвых душ подбор такой — со святыми упокой».

№ 2. (Кадеты). Партия будтобы народной свободы. «Списки, летки и возвания — мастера на обещания. Всё слова, слова, слова — два² повсюду. Трудовому, значит, люду, счастья сладят чёрта с два. Всё слова, слова, слова — два кадетское повсюду; трудовому, значит, люду счастья сладят чёрта с два».

№ 3. Христиане-демократы. «Их семья терпеть готова до пришествия Христова».

№ 4. Большевики. «Пролетарии всех стран соединяйтесь».

/192/ Список № 5. Всероссийская Лига социалистов — унверсальеров интернационалистов. «Хоть убейте, не пойму, что тут собственно к чему. Я с подобным языком отродясь незнаком».

Список № 6. Всероссийская Лига женщин и помощи родине.

*«Генеральша тут хлопочет,
помогать комуто хочет.
Дам совет я генеральше,
чтобы шла она подальше.»*

Список № 7. Высшее духовенство.

*«Всё попы, попы, попы,
Строя стараго столбы.
Богомольцы за царей.
Поворот им от дверей».*

Список № 8–9. (Объединялись) Правые и левые эсеры.

*«А вот восмерки и девятки,
А с эсеров взятки гл[а]дки,
Насулят, держи карман,
А там получится обман.»*

¹ Так в рукописи.

² В рукописи под знаком вставки над строкой.

*Краснобайство, разговоры,
На словах золотые горы.
А наделе поглядим:
Родила гора их мышь.
Ни земля, ни воля, гдетам.
Поякшаются с кадетом. Переправят
[оба]¹ в два. Вот девятка какова».*

/193/ Список № 10. Всероссийское общество равноправия женщин.

*«Расскажите нам заглавье, вам какое
равноправье? Только барынь меж собой
да работницам отбой.
Вам хорош и воздух спертый.
Дайте список им четвертый.
Знайте! Есть у нас одних
Равноправье и для них».*

Дальнейшие номера не помню. И даже № 7 [и] 10, видимо, перепутал. И еще помню только № 19. Это были казаки.

*Список № 19. Казаки.
«Хлопцы с нами за одно.
Мы обдумали давно и товкли
в единой штупе.
Голосите с нами у купе».*

Дальше об этом ничего не запомнил, все както позабылось.

28 августа 1917 г. прошел уже слух, что генерал Корнилов направил войска с фронта на Петроград. Идут пешим порядком со станции Дно и Ново-сокольники. Часа в четыре вечера нас с'агитировали ехать в Питер. Там мы объединились с отрядами /194/ солдат и рабочих, которые выходили на встречу войскам генерала Корнилова. Там шли большинство казаки и дикая девизия: текинцы и всякий сброд. В Павловск и Царское-село они пришли совершенно без всякого сопротивления. Офицеры ехали в пролетках с бабами, пьяные. С пляской и песнями ехали казаки и текинцы.

Наши казармы заняли казаки в Царском. Эти войска остановились, подтянулись обозы и артиллерия. Артиллерия была трёх и шести дюймовая. После занятия белым[и] станции Александровка, что от Пулкова километров шесть к Гатчину по Варшавской ж[елезной] д[ороге], наши отряды расположились по канавам и кюветам Царско-сельской и Варшавской ж[елезных] д[орог] и по Московскому шо[с]се до дер[евни] Кузмино, что от Царского три-четыре километра в сторону Петрограда. На Пулковских высотах была установлена наша трёх и шести дюймовая артиллерия. Отряды некоторые возглавлял командир Еремеев. (Только вот теперь, в 1961 г., узнал, что Еремеев — наш земляк из дер[евни] Спасская губа, передовой рабочий Онег завода, революционер и подпольщик.)

После небольшой артиллерийской перестрелки несколько раз казачьи разъезды /195/ выезжали и[з] Царского и Александровски по ровной открытой местности. Были встречены ружейным и пулемётным огнем рабочих, солдат и красногвардейцев. Понеся потери, возвращались обратно в Царское. К вечеру 30-го августа всё было с корниловцами покончено. Войска Кор-

¹ Слово не читается, утрачено при пересъёмке.

нилова стали отступать на Гатчино, Лугу, гонимые Красной гвардией и солдатами. Так закончился август 1917 г.

После ухода войск Корнилова мы вновь возвратились в Царское-село в свои казармы. Занятий уже никаких не производилось. Часть офицеров ушла с корниловскими частями. Царя Николая с семьей куда-то увезли. Словом, настала у нас разгульная жизнь. Обед, ужин варили, хлеб давали. И больше ничего не делалось. Както около 5 сентября командир дивизиона полковник Мальцев во дворе казармы, где стояли наши орудия разобранные и укрытые брезентами — ветром завернуло брезент — и он напал на нач[альника] караула и слегка хлопнул его в горечаях стэком по спине. Нач[альник] караула Корниенко, сибиряк, скрипнул зубами и сказал: «Попомниш меня, господин полковник!»

/196/ И на второй день полковник Мальцев, уходя из канцелярии дивизиона часов в семь вечера, проходя мимо нашей казармы, где ходил ежедневно — Корниенко ждал его в арке ворот, входящих в наш двор — и когда полковник поравнялся с ним, он в упор выстрелил из нагана два раза. Обе пули попали с левой стороны в грудь, и он тутже умер. Только успел сказать сбежавшимся солдатам на выстрелы три слова: «Корниенко убил, Корниенко». А солдаты в ответ: «А так тебе и надо». Но Корниенко скрылся. И объявился только после Октябрьского переворота.

Сентябрь и октябрь до 20-го числа ст[арого] ст[илля] ежедневно приезжали откудато агитаторы: то с Питера, то местные. И каждый от своей партии говорил по своему. Но больше всех по душе было солдатам те агитаторы, которые говорили: «Долой войну! Вся власть Советам!» Всем вой[на] осточертела, каждый хотел домой.

Я в большинстве все время находился в Петрограде. Раза два приезжал в неделю в Царское. Дисциплина совершенно отсутствовала. Жили кому как вздумалось. Несли по батареям дежурство на кухне, /197/ раздавали хлеб, сахар. А кого нет на лицо, делили между собой. И эти были очень довольны, когда нет половины личного состава батареи. Дома жили исключительно сибиряки. Им ехать было не куда. А которые так здешние, то есть с Европейской России, большинство было (в полете). Так тогда называли, если солдат уезжает домой без увольнительной. Да были и такие случаи, что в канцеляриях умели както на чистые бумажки наставить штампов и печать, а текст и подписи делали сами, и уезжали как по увольнительной, кто на 15 суток, кто на 20. Тогда говорил[и] так: достал (липу) и отправился в полёт¹.

/1/ В октябре 1917 г. началось волнующее время. В нашем дивизионе все офицеры куда-то скрылись. Самыми старшими остались только ферверкеры. Ну, словом, дисциплина совсем пала. Около 22 октября из Петрограда приехало два человека — один военный и один штатский. Собрали солдат дивизиона, провели митинг на тему «Долой войну» и 23 октября вечером увезли нас всех в Петроград. Там, на Фонтанке 90, где помещался петроградский воинский начальник, там было в этом пересыльном пункте много военных, где нам, у кого не было оружия, выдали винтовки, карабин и пулеметы, и разбили на подразделения — кому куда выступать по зову.

Часа в два дня туда же пришел 196-й пехотный запасный полк из Краснаго села. И все мы около трёх часов уже по Загородному проспекту направились в Смольный. Строй поддерживался плохо: шли как бы толпой. И тут же, дорогой, присоединялись свободно ходившие солдаты, присоединялись отряды рабочих. Шли с песнями и лозунгами «Вся власть Советам!» На углу Невского проспекта и Владимирскаго проспекта идущую демонстрацию обстреляли из винтовок и с пулеметов с чердаков и крыш.

¹ Далее рукопись продолжена в другой тетради.

Тут получилось огромное замешательство. Прижались к стенам домов и разбежались кто ку[д]а. Вооруженные бросились в дома и по чердакам. /2/ Но на чердаках и крышах недолгими были схватки. Стащили оттуда человек 20 городских и вольно-определяющих[ся], а остальных убили на крышах и чердаках. Забрали пулеметы и пошли дальше. Это уже было часа четыре вечера. С десятков солдат, в том числе и я — под руководством прапорщика отправили нас в казармы кавалерийского полка на Кавалер-гвардской улице, где солдаты не примыкали ни к нашим, ни [к] вашим. А все были в казарме и наготове. По приходу к воротам казармы в группе, стоявшей у ворот, я узнал одного кавалериста приятеля, это был Андрей Егорович Вошкин из Кажмы. Но у кавалеристов уже всё было сделано. Офицеры убежали. Только два было, которые хорошо жили с солдатами.

Вечером, часов в десять, наш отряд, куда присоединился и я, отправил[и] на Гагаринскую улицу, на берег Невы. У нас было два трехдюймовых орудия. Около одиннадцати ночи, после длительной перестрелке на улицах, нас отвели к цирку Ченизели. И там уже разошлись, кому куда ближе.

Ехал в то время отряд казаков, человек с полсотни, с Литейного на Семеновский мост. Их обстреляли из броневики из пулемёта. Человек шесть было убито, остальные разъехались кому куда ближе.

/3/ Так, 9-го ноября нового стиля, то есть 28 октября, я приехал в батарею в Царское-село. Там уже к этому времени одна треть состава дивизиона осталось. Остальные разъехались кто куда: кто к домам, а сибиряки Урала почти все. И вот числа 12 ноября собралось всего человек 150. Фельдфебель собрал всех и говорит: «Надо разделить всё, что имеется в цейхаузе: продовольствие, снаряжение и оружие. И подавайтесь кому куда хочется в Красную гвардию».

По разделу досталось каждому килограммов по восемь сахара, килограммов [по] 12 крупы, кому — сапоги, кому — шинели или гимнастёрки, револьверы «наган» — укого не было, и шашки. Но так как печати не было, то каждому выдали удостоверение со штампом дивизиона, что направляется по месту жительства в Красную гвардию.

И так, 15-го ноября я уже был в Петрозаводске. Штаб Красной гвардии в Петрозаводске помещался в театре — так тогда именовался «Триумф» — на площади против Гостинного двора. Начальником штаба Красной гвардии был Заводовский (звать не помню). Он местный, петрозаводский. Комиссаром был Смирнов. Тут меня оформили сразу же, записали в партию большевиков, выдали карабин и 10 обойм патронов. Тут я хорошо познакомился с Костей Лузгиным и Подгорным. Жить поместили в доме Захарова Николая Максимовича, по улице — ныне проспект Ленина. Ранее в этом доме была гостиница для приезжающих (временно).

/4/ В верхнем этаже помещалось начальство Кавалерийского батальона (Ч.О.Н) — (Части особого назначения). И всё тут были бывшие офицера. Начальником был, кажется, Скачков. Мы, одинокие красногвардейцы, жили в низу, человек 40, всё приезжие. Холостяки. Обязанности наши были: ходили в караул на пароховой склад, на железную дорогу, в пакгаузы, в Карцик, ночами и вечерами на квартиры купцов, на обыски. Высылались патрули на дороги, где отбирали у спекулянтов всё, что везли в город для продажи из (под полы), на рынок-то ничего не поступало.

В столовой еще можно было по-обедать за два рубля, и к обеду давали 200 грам[мов] хлеба. А получали мы 12 рубл[ей] в день. Так продолжалось до конца января 1918 г. Много было нечестных красногвардейцев. Пошлют их в патруль — если что отберут, они были обязаны сдать в гор-торг, в магазин, и получить квитанцию о сдаче — а магазин продаст по норме населению: картошку, мясо, масло, рыбу. А некоторые отберут у мужика и разделят меж собой,

а потом накупят денатурату, и пьют запоем и дома, и на смене в карауле. А при обысках в квартире старается чтонибудь украсть, что влезет в карманы, или под опушку в штаны, вплоть до того, что запихать под штаны женское платье. Много было уменя ругани с такими, и многих отдавали под суд.

/5/ Правда, после суда они уже не возвращались в штаб. Как-то в конце января 1918 г. нам было приказано ночью окружить казармы, где размещался батальон Ч.О.Н. и разоружить солдат, так как все начальство этого батальона оказалось из бывших офицеров, и у них был какойто план на востание в Петрозаводске против Красной гвардии. Разоружить батальон ничего не стоило. Пришли ночью часа в два сразу во все бараки, где размещались солдаты. Винтовки в пирамидах и тамже пулемёты. Поставили своих красногвардейцев вооруженных. А потом разбудили солдат. Солдаты говарят: «Мы знать ничего не знаем, забирайте винтовки, пулемёты, а мы можем идти по домам».

В этом батальоне служил Еремеев Иван Яковлев с Кокорина. И сразуже после этого, как закончили с солдатами, 25 человек осталось там для несения охраны оружия, и 10 человек, и я в том числе, пош[л]и в свой дом на арест штаба полковника Скачкова. Они жили в нашем же доме наверху. Там тоже обошлось даже без выстрела, потому что мы пришли в три часа ночи. А они спокойно спали со своими: кто с женой, а кто с любовницей. У них при квартире много было найдено оружия и гранат (лимонки). Дальнейшее про них я ничего не слышал. А солдаты батальона разъехались по домам. А некоторые перешли в железнодорожный батальон.

/6/ Так продолжалась моя служба в Красной гвардии до 23 февраля 1918 г. После опубликования приказа о формировании Красной армии, а Красную гвардию распустить, и все желающие могут оформится уже в Красную армию, было предложено каждому съездить домой, устроить свои личные дела и вернуться, кто хочет в Красную армию. Ну, как бы давали отпуск на две-три недели. Выдавали проезной документ на право бесплатного проезда туда и обратно.

Уменя было намерение уехать в Архангельск и поступить в торговый флот. И вот, я взял удостоверение на Архангельск, что еду для устройства личных дел с возвращением в Петрозаводск через три недели.

И так, я поехал с товаро–пассажирским поездом. Тогда они были в моде и звали такие поезда (Максим) — вагоны товарные с нарами. В Званке я пересел на другого «Максима» и приехал в Вологду. В Вологде — отя¹ на «Максима», и приехал в Архангельск 10-го марта. В Архангельске поступил в парадство торгового флота матросом. Но так как была еще зима, то нас заставили скоблить корпуса от² пароходов от облезшей краски во льду с лесниц. Поместили в общежитии и выдали аванс по 20 руб[лей] в день на 10 дней.

Ну, естественно, документов то никаких небыло, окромя солдатского удостоверения, которое не здавали. И вот, проработал там я пять дней и потом смотался /7/ обратно. Приехал в Вологду. Там день потолкался по базару. Там еще всё можно было купить. Масло сливочное стоило 15 рублей килограмм, ну, а отсюда все цены.

Поехал до Череповца. Там был знаменитый базар по кожаной обуви и вообще по коже. Там я купил сапоги кожаные, две пары: одни себе, короткие, и вторые отцу, с длинными голенищами.

И снова на «Максима» — и в путь на Ленинград. Приехал в Ленинград, тогда еще «Петроград», к Волкову Никол[аю] Яковл[евичу]³.

¹ Так в рукописи.

² В рукописи зачёркнуто.

³ Далее в рукописи изменившийся почерк и другие, более бледные, чернила.

Волков Николай Яковлевич служил в то время начальником участковой милиции. Отделение их было на Пушкинской улице, а сам он жил на Гончарной улице, дом № 14. Дом и по сей день стоит. Это что-то вроде номерного дома: коридоры во весь дом, и все комнаты отдельные, а то и по две вместе. Жил он с одной женщиной молодой, Дусей, она тогда работала на Гороховой, где был торговый дом «Эсдерс и Схевальс», а в то время там бы[ла] мастерская, где шили обмундирование для Красной армии и флота. Волков Н. Я., он звал меня в милицию работать, всё обещал устроить, но, по правде говоря, я милицию и пожарников не любил. И сейчас не люблю. Волков был со мной одногодок. Вместе из деревни ехали в Питер. У него был выговор: вместо слова «когда», он выговаривал «колда». И так это у него и осталось.

В деревню я вернулся в марте 1918 г. Отдал дедушке сапоги, которые ему ужасно были по д[у]ше, да еще двухбо[р]тная суконная жилетка, о чём он век мечтал.

Однажды меня спросила Марья Павловна Бардовская: «Так, братюшка, где ж ты был?» А я говорю: «Где? В мазуриках».

/8/ В деревню я приехал как был вооружен: карабин, наган и шашка. В то время Афанасий Яковлевич Волков и брат Иван Никифорович рубили сруб сушильни на Засележье, а Михаил был в бурлаках в Костромской губернии у Унковской, лесо заготовительнице¹.

Memories of George Nikiforovich Akatov (chapter 3)

Irina A. Chernyakova*

Polina S. Voronina**

* Petrozavodsk State University,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign History,
Political Science and International Relations,

Head of the Investigative Laboratory for Local and Microhistory of Karelia,

Associate Professor of Russian History at the University
of Eastern Finland (Joensuu Campus),
PhD in History

**Petrozavodsk State University,

Institute of History, Political and Social Sciences,
Investigative Laboratory for Local and Microhistory of Karelia,
Master in History (46.04.10),

Postgraduate Student of «Past, Space and Environment in Society Doctoral Programme»,
General History Major, University of Eastern Finland (Joensuu)

Abstract:

Published reminiscences of Georgy Akatov preserve all the features of his language and style. We believe that the uniqueness of this text is due to a high level of the author's individuality, and that its authenticity may be of interest not only for linguists, but for social psychologists as well. In addition, the author of the reminiscences repeatedly stressed that he had tried to preserve and convey the specifics of the collective mentality of the village community where he was born and raised,

¹ На этом рукопись обрывается.

emphasizing all the features of the speech structure of the surrounding people - his relatives and neighbours, as well as the inhabitants of the surrounding villages.

Another reason why Georgy Akatov's reminiscences should be accurately represented is that he was a direct descendant of the «blind old peasant» who sang Russian epic narrative poems (bylinas or starinas) recorded by a famous Russian folklorist Alexander Hilferding in the summer of 1871. This is evidenced by Hilferding's enthusiastic quote: «... I begged him to share his starinas with us, and an old man Yev Eremeyev started singing an excellent epic poem about the transformation of a Russian bogatyr Dobrynya under a magic spell of our Russian Circe, Marinka». A commentary on the cited quotation, posted on the website of the Genealogical Society of Karelia by Tatyana Panyukova, a great-grandniece of Georgy Akatov's brother (https://vk.com/photo-44741316_290992618), reports that she is the third great-granddaughter of the above-mentioned narrator, which suggests that her third great-grandfather and Georgy Akatov's grandfather Yev Eremeyev (a hero of many colourful episodes recollected by Georgy Akatov) are the same person.

Key words: Georgy Akatov, reminiscences, Kokorin Ostrov, Meloy-Guba, Kondopoga, Petrozavodsk, Saint Petersburg, craft apprenticeship